

Тёмное время суток

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Лёвин

18+

Олег Лёвин

Тёмное время суток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70605610

SelfPub; 2024

Аннотация

Серия загадочных убийств потрясает г. Новый Гиенов, и за дело снова берется непревзойденная Юлия Борисовна Квятко, следователь управления полиции города. Проницательность и дедуктивное мышление позволяют ей виртуозно раскрыть дело в короткие сроки и обезвредить преступника.

Олег Лёвин

Тёмное время суток

Петр Коновалов живет в городе Новый Гиенов на углу улиц Базарной и Максима Горького в новом многоэтажном доме на втором этаже. Окна выходили на восток. У него была уютная однокомнатная квартира, выделенная ему мэрией по программе «Путь к улучшению жилищ» Мебель также купили за счет городского бюджета.

Петр работал в редакции городской газете «Наш город». Зарабатывал не так уж и много, но все же это вполне хватало на жизнь и на разные маленькие ее удовольствия типа: сходить вечером в кафе, в кино, театр и прочее. Коновалов мог себе позволить летом провести отпуск где-нибудь в Турции.

Каждый день Петр Коновалов совершал один и тот же ритуал: ровно в семь утра он вставал, шел в ванну, где тщательно выбривал суточную щетину, всякий раз удивляясь как это она успевала за такой короткий срок подрасти, чистил зубы, умывался. Затем готовил себе завтрак, состоящий или из яичницы с беконом, или запеканки, т. е. в выборе утренней еды он был не постоянен, но всегда выпивал чашечку крепкого кофе.

Ровно полдевятого Петр выходил из дома. Одет он был обычно в костюм кремового цвета, белую рубашку и черный

галстук. Белые лакированные туфли несколько диссонировали с общим стилем его рабочего наряда, но Петр полагал, что так он выглядит более презентабельно.

Редакция газеты находилась совсем недалеко от его дома, и путь до нее он преодолевал без помощи какого-либо транспорта. Это служило своеобразной утренней зарядкой, несколько освежало мысли и настраивало на творческий лад.

Коновалов вел в газете колонку книжного обозревателя. Работа его состояла в основном в том, что он прочитывал ту литературу, которая была издана в течение месяца, и на страницах газеты делился с читателями своими мыслями по поводу прочитанного. Иногда главный редактор поручал ему сходить на какое-нибудь мероприятие, связанное с литературной жизнью в городе и написать репортаж по этому поводу.

Редакция газеты занимала почти весь первый этаж в «Доме печати». Здесь всегда было шумно, суетно, кто-то приходил, кто-то уходил, о чем-то болтали, решали какие-то дела и лишь Коновалов практически не участвовал в общем процессе обмена мнений и информации.

Рабочее место Коновалова помещалось в одном из многочисленных кабинетов редакции, в просторной светлой комнате его стол стоял у окна. Вместе с ним в этом же кабинете пребывали и две молодые девушки Леночка и Люся. Чем они занимались, Коновалову было неясно: толи набирали тексты, толи готовили чай и кофе главному редактору и

его гостям, но в течение дня они беспрерывно разговаривали, смеялись и почти не обращали на Коновалова никакого внимания. Впрочем, к болтовне девушек Коновалов привык, как привыкают к жужжанию вентилятора. Он почти никогда не прислушивался к их разговорам.

День обычно начинался с того, что Коновалов включал компьютер, выходил в сеть, просматривал последние новости и сайты библиотек, а также некоторые блоги. Затем отвечал на немногочисленные электронные письма, иногда подключался к какому-нибудь форуму, участвовал в спорах. В электронном мире его знали под именем nekrofil83. Псевдоним этот он себе не придумывал, просто подписался тем словом, которое первое пришло в голову.

После общения в Интернете Петр приступал к основным своим обязанностям, т. е. к чтению книг, которые всегда у него стояли стопами и на столе и на полу. Надо сказать, что в Новом Гиенове много издавали разных книг, так как писательская организация небольшого города была довольно большой. Каждый состоящий в этой организации писатель имел право раз в два месяца издавать одну книгу за счет средств городского бюджета. Кроме того, существовало несколько литературных объединений, также ежемесячно издававших журналы, короче говоря, Коновалову было что почитать. Иногда у него складывалось такое впечатление, что написанное местными писателями читал только он один и, наверное, Петр был недалек от истины.

Начав очередной свой рабочий день Коновалов уже не помнил, почему вдруг он стал прислушиваться к разговору своих соседок. Может быть, его удивили те обрывки фраз, которые долетали до него: «разорвана надвое», «вырвано сердце», «кругом кровища». Петр взял кружку с кофе, оторвал жопу от стула и подошел к окну, делая вид, что рассматривает пейзаж за окном. На самом деле он прислушивался к разговору девушек, которые на него не обращали совершенно никакого внимания, потому что воспринимали его как один из элементов мебели. Светленькая Лена рассказывала Люсе, пуча глаза:

– Представляешь, какой ужас!? Ну, ты знаешь Нинку из отдела «Сельского хозяйства»? Вот сегодня утром нашли ее на озере. Точнее то, что от нее осталось – там руки, ноги. Говорят, маньяк в городе появился. Прикинь, когда наступает тёмное время суток, нападает на молодых женщин и рвет их на части, ну просто кошмар какой-то!

Лена еще что-то щебетала, но Коновалов ее не слушал уже: он в задумчивости вышел в коридор и направился в курилку. Здесь он встретил поэта Сашу Семёнова, который держал в правой руке потухшую сигарету, а в левой блокнот, в него он пристально и напряженно смотрел. Увидев Петра, Саша сразу обратился к нему:

– О, привет Петюня! Я вот стих для сельхозотдела сочиняю. «Сев» называется, вот послушай первую строчку:

Лесом послали, лесом иду,

Воздух воняет, поют какаду.

А, как тебе?

– Да так чего-то. – Сказал Коновалов, раскуривая сигарету.

– Это почему? – Сразу обиделся Саша. Петр затянулся и меланхолично заметил:

– Ну, у тебя же «Сев», стихотворение называется? Я так понимаю, сеют в наших широтах, но почему-то какаду поют. Ты че бананы сеешь?

– Разумно. – Согласился Саша и погрузился, но потом оживился и сказал:

– Слыхал, у нас маньяк Нинку зарезал?

– Да, девчонки трепятся сейчас.

– Ваще, жесьть. Ну ладно пойду, сегодня надо в отдел стих сдать.

И Саша вышел из курилки. Он всегда был одет в рваные на коленях джинсы и майку с каким-то забавным принтом, сейчас вот мальчик с приспущенными штанами и ночным горшком в руке. Семёнов был худ, поэтически бледен и имел большие, выразительные глаза, которые поражали девушек в самое сердце.

Смерть Нины огорчила Петра. Не то, что он с ней дружил, да он даже толком ее и не знал, так в коридорах редакции встречались иногда и парой слов перекидывались или в кафе за одним столиком оказывались порой за чашкой кофе. Помнится, Нинка была неплохим собеседником – ироничным и

тонким в своих суждениях. Коновалов словил себя на мысли о том, что это в его жизни первая смерть человека, которого он знал близко, ну, т. е. видел каждый день, здоровался, улыбался и даже, так или иначе, общался с ним. Нельзя сказать, что Нина ему нравилась как женщина, но он испытывал к ней симпатию, как к человеку, что у Коновалова было редкостью. И вот ее убили.

– Так, так, вот ты где прохлаждаешься, Коновалов.

Из задумчивости Петра вывел голос главного редактора Николая Петровича Космолётова, который заглянул в курилку.

– Как всегда ничего не делаешь, а мне нужен обзор литературы за месяц через час, слышишь?

Маленькие, раздраженные глазки Космолётова уставились вопросительно на Коновалова, тот кивнул головой в знак полного смирения перед распоряжением редактора. Оплывшее тело Николая Петровича исчезло из проема двери, оставив стойкий запах неприятного парфюма с запахом толи эстрагона толи полыни. Но через мгновение Космолётов, как будто что-то забыв, снова заглянул в курилку и озабоченно сказал:

– Ты, это, сначала в кабинет ко мне зайди. Там следователь ждет, допрашивает всех сотрудников. Про Нинку же ты слышал?

Коновалов опять махнул головой и поднял правую руку в знак согласия. Главный удалился. Петр докурил сигарету,

затушил бычок о край урны и двинулся в кабинет главного редактора. В приемной его встретила секретарша Оля, которая молча, глазами, указала ему на дверь редакторского кабинета и Петр, постучавшись, вошел.

В редакторском кресле за столом сидела молодая женщина, на вид лет тридцати. Она была одета в костюм оливкового цвета, кофейного цвета блузку. Ее иссиня-черные волосы были тщательно зачесаны назад и собраны в плотный, пышный хвост на затылке. У женщины были броские черты лица, неяркая косметика и что-то такое яркое во внешности, что ее делало чрезвычайно привлекательной.

Коновалов застыл в дверях рассматривая незнакомку, которая, как он догадался, и была тем самым следователем по делу Нины. Догадаться было несложно, для этого не обязательно было обладать особыми умственными способностями – ведь кроме женщины в кабинете никого не было. Между тем она не обращала внимания на Петра Коновалова и, опустив голову, что-то писала в тетрадь. Коновалов почему-то почувствовал себя неловко и смущенно топтался на месте.

– Присаживайтесь Петр Иванович. – Услышал он вдруг довольно громкий, но приятный голос следователя.

Коновалов сел за стол и, не зная, куда деть руки засунул их в карманы пиджака. Женщина перестала писать, подняла голову и внимательно посмотрела на Коновалова, у нее были миндалевидные, карие глаза.

– Меня зовут Юлия Борисовна Квятко. Я расследую дело

об убийстве Нины Яковлевны Рыковой, вам известна такая?

– Да, конечно. – Петр закивал головой.

Юлия Борисовна встала из-за стола и подошла к окну. Петр отметил красивую фигурку, стройные ноги следователя и округлые формы ее попки, которые так хорошо ощущались под узкой юбкой. Она снова спросила Коновалова:

– Где вы были в ночь с 13 на 14 августа этого года?

– Я дома спал, где еще я мог быть то? Я не особый любитель ночной жизни, никуда не хожу ночью. После работы домой, кушать и баиньки.

– Кто может это подтвердить?

– Никто, я же один живу. – Коновалов несколько растерялся от такого вопроса. Юлия Борисовна вернулась к столу и что-то записала в тетрадь. Потом откинулась в кресле, сложила руки на груди и строго поглядела на Петра.

– Какие у вас были отношения с Рыковой? – Снова спросила она.

Коновалова этот вопрос поставил в тупик. Ему самому стало интересно: «а какие отношения у него были с Ниной», так он подумал про себя, а вслух сказал:

– Да ни в каких особо. Иногда кофе вместе пили.

– А давно вы ее знали?

– Как в отдел ее приняли, мы и познакомились. Это уже года два-три. У нас, знаете, особо тем общих не было, я как-то далек от проблем сельского хозяйства, ну разве только посредством хлеба и других продуктов.

– А о чем вы беседовали за чашкой кофе?

– Да так о всякой всячине, больше зубоскалили. – Коновалов на мгновение задумался и вдруг вспомнил одну подробность. – Знаете, ей очень нравился один наш местный писатель Рома Пиков. Ну, вернее не он сам, конечно, а его творчество.

В глазах Юлии Борисовны появился интерес, она продолжила допрос:

– И что это у него такое за творчество?

– Пиков пишет ужастики, опираясь на местный фольклорный материал.

На мгновение следователь будто задумалась, потом сказала:

– А вы знаете, я ведь тоже большая поклонница этого жанра. Но местных авторов никогда не читала и произведений Пикова не знаю. А почему у вас заходил разговор об его творчестве?

– Так я же обозреватель. Одна из моих обязанностей делать обзоры местных литературных новинок, вот я и читаю все книги наших авторов, а их, пожалуй, кроме меня, да вот Нины никто и не читает. Поэтому с кем ей обсуждать, как не со мной.

– И какие основные темы в романах Пикова?

– Он в основном про маньяков пишет. И очень любит всякую расчленёнку, в последнем романе своем он пишет про маньяка, который любил затаскивать девушек к озеру, там

убивал и разрезал на части.

Коновалов вдруг осекся, понимая, что излагаемое им очень уж схоже с теперешней ситуацией. Как бы читая его мысли, Юлия Борисовна спросила:

– Вам тоже показалось, что ситуации, как-то похожи?

Юлия Борисовна опять что-то записала в тетрадь и снова обратилась к Коновалову:

– Хорошо, Петр Иванович, сегодня у меня вопросов к вам больше нет, можете идти, но попрошу вас никуда из города не уезжать на время следствия.

Петр вышел. Подумал про себя: «Как в дурном сериале». Даже последняя фраза следователя, будто из этой дурноты сериальной. А значило это то, что он находится под подозрением, что его неприятно смутило. Оставшийся день Коновалов провел в работе над обзором, сдал его редактору и собирался домой, когда к нему заглянул Семёнов.

– Старик, ты о мероприятии помнишь?

Коновалов не сразу сообразил, о чем это поэт говорит и словил себя на мысли, что слишком часто сегодня тормозит.

– Какое мероприятие?

– Ну как же? – Семёнов сделал удивленные глаза. – Презентация моего сборника в «Мелиссино».

– А, да. Хорошо, приду.

Сказав это Коновалов поморщился, вспомнив предыдущую презентацию очередного поэтического сборника Семёнова в том же «Мелиссино», так как это было ужасно – ка-

кие-то дурные напитки, несвежая еда, вульгарные ведущие и дурацкая музыка. Но не прийти к Семёнову, это его смертельно обидеть. Коновалов всегда удивлялся одному факту: кто же финансирует презентации поэта? Ведь кому-то нравилось его творчество. Вот ведь!

Ровно в пять вечера Петр Коновалов вышел из редакции и направился к кафе «Мелиссино». Это было обычное городское кафе с небольшой площадкой для выступлений. Именно там проводила разные свои загулы местная творческая интеллигенция.

Когда Петр пришел в кафе, презентации уже началась. Сам поэт стоял на небольшой площадке, в зале все столики были заняты. Было сильно накурено. Официантки в белых передниках сновали туда-сюда. Народ в основном пришел пожрать и попить нахалюву. Коновалов пристроился за крайним столиком подвинув какую-то толстую бабу и, поглядывая на сцену, начал есть то, что принесла официантка. А принесла она борща и жаркое, а также бутылку водки. С удовольствием Коновалов поел борща и как-то не заметил того факта, что под закуску он опорожнил всю бутылку, видимо полагая, что борщ живительный, а потом и жаркое встанут на пути алкоголя и прекратят его действие в организме по крайней мере в этот вечер. Но чудеса не произошло. Буквально через час Коновалов, что называется, лыка не вязал и сидя за столом, тупо смотрел на сцену. А там Саша Семёнов читал поэму «Тапки» из презентуемого им поэтиче-

ского сборника. Несмотря на свое состояние, Петр понимал, о чем поэма, ее смысл проникал в его мозг сквозь туманную пелену алкоголя. Два подростка нашли на помойке старые тапки, которые оказались волшебными: если их одеть, то начинаешь понимать любое самое сложное философское учение, а главное можешь легко его объяснить любому человеку. Сюжет Коновалову показался забавным, он допил водку и пошел домой.

На улице было уже темно. Лампы фонарей тускло мерцали, едва освещая пространство вокруг столбов. Коновалов штормило, он то и дело спотыкался, но упорно шел к цели, т. е. домой. Через какое-то время Петр понял, что заблудился, так как совершенно не узнавал вокруг себя почти ничего. Преодолевая хмель, он начал понимать, что где-то не там свернул и оказался в районе частного сектора. Здесь почти не было фонарей, поэтому Коновалов какое-то время двигался на ощупь, пока не увидел светящийся во тьме фонарь. Он дошел до него и, опираясь о столб, решил передохнуть. Коновалов стал засыпать прямо стоя, медленно клонясь в сторону. Вдруг кто-то начал трясти его за плечо, Петр открыл глаза и увидел перед собой грузного мужчину в зеленом плаще. Постепенно Коновалов стал узнавать человека, который стоял перед ним – это был его родной дядя Алексей Николаевич Кобяков.

– Петя, что это ты так наклюкался? – Даже не спросил, а констатировал факт Кобяков, потом подхватил Коновало-

ва под руку и повел по улице. – Пойдем Петя, тебе надо выспаться.

Какое-то время они шли молча.

– А куда мы идем? – Наконец спросил Коновалов.

– Домой, тебе надо отдохнуть, поспать. Ты же давно у нас не был.

– А где тетя Таня?

– Умерла.

– А Володя?

— Умер.

Коновалов остановился на мгновение, узнав о смерти своего двоюродного брата и воззрившись на дядю, спросил о своей двоюродной сестре:

– И Настя умерла?

– Конечно и Настя. – Уверил Петра дядя Лёша, а затем успокоил. – Все умерли, так устроена жизнь.

Они шли вдоль темной улицы, мимо низкорослых домов, до тех пор, пока не дошли до небольшого деревянного домика, расположенного на самой окраине города. Здесь дядя Лёша завел Петра в маленькую спальню, снял с него ботинки и куртку. Коновалов быстро заснул и ему приснился такой странный сон. Видит он березовую рощу, светлый солнечный день, птички поют, а вдоль рощи дорожка и по ней идет старый человек с седой бородой в черном длинном одеянии, какие Петр видел на картинках в учебниках по истории России на священниках. Старик был подпоясан верев-

кой, а за спиной у него был мешок. Путь его лежал в небольшую деревеньку, которая виднелась на пригорке – это десяток изб, дворы и хозяйственный постройки. Старик достиг ближайшего амбара и приоткрыл туда дверь. Там на пенёчке сидела молодая девушка и с ужасом смотрела на вошедшего старика, а позади нее стоял мужик в длинной косоворотке с всклокоченной черной бородой и безумными глазами. Он держал в левой руке серп и дико улыбаясь, резал девушке горло, струйка крови текла у нее по отвороту рубахи, и в этот момент Коновалов проснулся.

В окно сбоку от его кровати проникал тусклый свет и Коновалов понял, что уже утро и на улице пасмурно. На удивление он хорошо помнил вчерашний день, и как он напился. При этом голова не болела, а также не было никаких признаков похмелья. Он рывком встал и сел на кровати. Единственное чего он не мог вспомнить – куда делась верхняя пуговица с его рубашки.

Комната, в которой он находился, была ему не знакома. Он вспомнил, что вчера его подобрал дядя Лёша, но что это за дом Коновалов не мог понять. Алексей Кобяков был братом его умершей пять лет назад матери и общение с ним у Петра всегда было фрагментарным и эпизодическим, хотя он и его дети в жизни Коновалова так или иначе присутствовали начиная от рождения. Припоминая какие-то эпизоды, связанные с Кобяковыми он вдруг вспомнил, как они с двоюродным братом Володей в детстве ловили «пауком» кара-

сей в озере, которое располагалось где-то недалеко от их дома. «А ведь там убили Нину» – вдруг вспомнил он и пошел на кухню, где дядя Лёша что-то готовил.

Пахло знакомой едой. И точно, дядя Лёша жарил яичницу с гренками, любимое блюдо Петра. «Помнит» – подумал Коновалов. Дядя Лёша был одет в спортивный костюм, его седые волосы были зачесаны назад, лицо небрито, увидев Коновалова, он приветствовал его:

– С добрым утром, Петя. Как ты? Голова не болит?

– Нет, почему-то, не болит.

Кобяков пригласил Коновалова за стол, поставил перед ним тарелку с яичницей.

– Ешь. Ты, я помню, любил такое блюдо.

Петр кивнул головой и принялся есть. Он лихорадочно припоминал, когда последний раз был у дяди и не мог этого сделать, так давно это было. Но при этом он пришел к выводу, что семья Кобяковых сыграла в его жизни определенную роль. Когда-то в прошлом родственные связи были намного крепче, чем в настоящее время. Даже самые незначительные и даже в городе, что уж говорить о селе. А тем более связи близких родственников, таких как Кобяковы. Но все же влияние этих родственных связей на него, как казалось Коновалову, едва ли была заметна внешне. И перед глазами Коновалова вдруг промелькнуло несколько эпизодов из соприкосновения его личной жизни с этой семье родного брата его мамы. Петр задумался и пришел к выводу, что основное,

связывающее его с Кобяковыми – это его двоюродный брат Владимир Кобяков. Очнувшись от задумчивости, он спросил дядю:

— Как умер, Володя?

Казалось, вопрос дядю Лёшу не удивил, хотя столько лет Коновалова это не интересовало, он даже не удосужился прийти на похороны брата, объяснив потом, что ничего не знал об этом. Но Кобяков спокойно ответил:

– Он утонул в озере, вместе с сестрой Настей.

– Как это случилось?

– Ты, наверное, помнишь, что Володя всегда любил рыбалку, ты сам не раз ходил с ним. В тот день Володя как всегда пошел на рыбалку, почему-то за ним увязалась и Настя. Ну и утонули они оба.

– Тела нашли?

– Нет, только перевернутую лодку. Ты же знаешь, какое глубокое наше озеро, там если утонешь, то все, пиши пропало.

Коновалов молча доедал яичницу и гренки. «Смерть какая-то странная» – подумал он, но вслух сказал:

– Ладно, дядя Лёша, спасибо за помощь и угощение, пойду я на работу.

– Что же, дело хорошее. Заходи, не забывай, видишь, я теперь один живу.

Они попрощались, и Пётр вышел из дома. В светлое время суток он быстро сориентировался на месте и понял, что

Дом печати совсем недалеко от дома дяди Лёши. Он быстро добрался до места своей работы. На входе ему встретился, выходящий из здания Семёнов. Он поздоровался и тут же с ходу огорошил Коновалова новостью:

– Слыхал, Космолётова арестовали.

– За что?

– Подозревают в убийстве.

– Кого?

Но на этот вопрос поэт Семёнов уже не успел ответить, так как был далеко от здания. Коновалов поднялся к себе на этаж вошел в кабинет и хотел пробраться к своему рабочему месту, но заметил машинистку Люсю, которая стояла у окна и тихо плакала, утирая слезы ажурным платком. Петр подошел к ней и спросил:

– Люся, что случилось? Ты почему плачешь?

Машинистка от неожиданности вздрогнула и повернулась к Коновалову. Всхлипывая она сказала:

– А вы разве не знаете?

– Что?

– Людочку убили ночью, как и Нину. На берегу озера нашли ее.

И она снова залилась слезами. Коновалов прошел к своему месту, закурил и подумал: «А Космолётов то тут при чем? Неужели его подозревают?». День прошел как обычно в разных мелких делах и заботах. Все делали вид, что ничего не произошло, хотя атмосфера была нервной. Следовательно

на этот раз не приходила, но говорили, что с раннего утра у Космолётова в кабинете был обыск и нашли в рабочем столе заколку Люды. «И что это все к озеру привязано?» – подумал Коновалов и вспомнил, что в народе озеро называли Святым. Хотя оснований для этого не было, лишь одна легенда, согласно которой озеро появилось на месте церкви и деревни провалившимися сквозь землю. Почему это произошло было построено множество догадок, начиная от падения метеорита и заканчивая образованием карстового провала. Среди легенд бытовала и такая: будто в Рязанских пределах жил один священник, а у него было два сына и вот ушли они далеко на заработки, долго не возвращались. Отец их, уже, будучи стар, и зная, что немного ему осталось жить, решил отправиться искать сыновей, чтобы повидаться с ними напоследок. Направление он примерно знал, в какие края они ушли. И вот долго он искал их, но наконец, вышел на небольшую деревушку, которая была расположена в глубине леса и о радость – там он встретил своих сыновей. Они были и жителями и основателями этой небольшой деревушки посреди леса недалеко от торговой дороги. Обрадованный отец стал жить вместе с ними. Прошла неделя, дети старались во всем угодить своему отцу, всячески устроили его быт, но отец-священник никак не мог понять – где православные молятся? И чем собственно занимаются его дети? Предложил отец построить храм, сыны согласились и в короткое время церковь возвели. Стали опять жить поживать,

все спокойно, благодать кругом. Но как-то раз обнаружил отец в амбаре несколько девушек связанных по рукам и ногам, вот они и рассказали ему, что сыновья его разбойники, которые грабят и убивают людей на дорогах. После этого сыновья священника убили отца своего, опасаясь, что выдаст их и в тот же миг земля разверзлась и поглотила деревушку и всех жителей ее, а на месте ее образовалось озеро. Коновалов, вспомнив об этом, подумал, что подобного рода легенды существуют применительно и к другим озерам с подобным названием, которых в стране было немало.

Петр за день написал несколько рецензии и на этом его работа в этот день закончилась. Он вышел из здания, был хороший день, Коновалов захотел посетить озеро. Он подумал о том, что на берегах его прошло часть детства, та часть, которую он нередко проводил в доме Кобяковых. Почему то в памяти затушевался тот момент, когда его дружба с двоюродным братом действительно была довольно тесной в определенный период детства. Коновалов мог точно сказать, когда этот максимум был достигнут – летом 1991 года. Тогда он провел у Кобяковых все каникулы, они гуляли с утра до вечера и большую часть времени проводили именно на Святом. Озеро имело абсолютно круглую форму, у него были со всех сторон пологие песчаные пляжи, а само дно уходило вглубь, т. е. вода в озере как бы находилась в глубокой воронке и глубина достигала 25 метров. Так, во всяком случае, говорили бывалые рыбаки, которые измерили глубину

озера с помощью эхолота. Но, несмотря на опасное дно, озеро привлекало много народа, как рыбаков, так и детей разного возраста. В Святом водилась самая разнообразная рыба, и даже всякие экзотические водные обитатели, как например речная креветка. Вот за ними-то Петр с Володей и охотились. Вставили рано утром, когда только солнце встало, готовили снаряжение: двухлитровую банку к горлышку которой привязывали веревку. Креветки заплывали в банку, как в укрытие, тут их и вытягивали наружу. Пользы от них, в смысле употребления в пищу креветок, была очень мала – ракообразные были маленькими, практически не содержащими никакого белка. Мальчишки ловили их, скорее из интереса, а некоторые держали потом в аквариуме. Помимо речных креветок в озере обитало и еще немало удивительных существ и среди них самое страшное для детей, его они называли водяная игла. Размером она была с креветку, но только вытянутая как палка и имела длинный как игла нос. Считалось, что укол иглы смертельный, хотя никого она и не кусала никогда.

В то лето они ловили креветок, купались в озере, наслаждались теплом и общением друг с другом. Никогда Коновалову не было так хорошо, как в те дни. Но больше они не повторялись. Насколько помнил Петр, на следующий год летом он заболел. Это был единственный раз в жизни Коновалова, когда он лежал в больнице. Он заболел бронхитом, ему было семь лет, и он две недели пролежал в сель-

ской больнице. Ему делали уколы, всякие процедуры и ему было страшно. Целыми днями он смотрел в окно и ждал маму. Она приходила, успокаивала его, а внутри Петра росло странное и непонятное ему чувство, которое он не мог понять, будучи еще слишком мал. Он испытывал непонятную грусть. Может, это было результатом того, что он оказался в таких обстоятельствах, а может здесь было что-то еще. Во всяком случае, для семилетнего мальчика это было необычно, тем более все это совпало с моментом радостным – выздоровлением и выпиской из больницы. Однако за день до выписки случилось непредвиденное. В поселковой больнице не было детского отделения и все больные мужского пола и разного возраста от стариков до детей лежали в одной палате и дети и взрослые. Вечером медсестра ставила банки больному, а на соседней кровати лежал Петр. Медсестра как-то неловко повернулась и факел с пламенем, которым она разогревала банки, упал на лицо Коновалову. Петр потерял сознание, как ему показалось тогда на мгновение, но выяснилось, что в беспмятстве он пробыл три дня и очнулся уже в своем доме в кровати, а рядом сидела на стуле мама. Ему показалось странным, что она старалась не смотреть на его лицо, даже когда он позвал ее. Он видел, что она улыбнулась, но не повернула головы в его сторону, а только сказала: «Ты поправишься, у нас есть хорошая мазь». Петр поправлялся долго, практически в течение всего оставшегося года, а это без малого шесть месяцев, поэтому он и в школу пошел не

с 7, а с 8 лет, пропустил малость. Но все это время ни мама никто либо другой старались не смотреть на лицо маленького Коновалова, а он сам не мог посмотреть на себя – во всей квартире почему-то не было ни одного зеркала.

Вспомнив все эти легенды и истории из детства Коновалов решил после работы сходить на озеро, благо это было не так далеко. Денек был теплый, щебетали птички, в воздухе носились ароматы лета. Петр довольно быстро добрался до окружной дороги, собственно отсюда сразу открывался вид на озеро. Оно было почти идеально круглое. Берега у озера пологие, песчаные, а с южной стороны глинистые. Летом с утра до вечера на озере было полно народа, особенно жаркими днями. За озером начинались пустые пространства полей. Коновалов всегда пытался представить себе, где здесь был лес и деревушка, которые утонули в озере и не мог.

Он остановился на обочине дороги, созерцая отсюда водную гладь и плескающихся в воде детей. Петр спустился по тропинке с дорожной насыпи и потом побрел вдоль берега. Поднялся на более высокую часть берега, где поверхность была усыпана тщательно отполированной водой галькой. Петр выбрал камешек и пустил его по ровной глади воды плоской стороной, он запрыгал по воде, Петр стал считать: «Раз, два, три».

– Как в детстве. – Голос из-за спины был неожиданным, Коновалов обернулся, перед ним стояла Юлия Борисовна, на этот раз она была в брючном костюме черного цвета. Коно-

валов внимательно посмотрел на следователя вид у нее был усталый.

– Да, в детстве с братом моим Володькой любили так вот соревноваться, у кого больше проскачет.

Он кинул еще один камень, Квятко кинула свой, и он попрыгал дальше коноваловского.

– А вы как тут? – В свою очередь спросил Коновалов.

– Еще раз осматриваю место преступления, вы, кстати, стоите на том месте, где был найден труп первой жертвы.

– Ниночки?

Юлия Борисовна внимательно посмотрела на Коновалова:

– У вас были с ней близкие отношения?

– Почему вы так решили?

– Ну, вы так ее уменьшительно называли, впрочем, я, скорее всего, ошибаюсь. Юлия Борисовна выглядела в этот момент смущенно. Они медленно побрели вдоль берега в сторону шоссе.

– Послушайте, Петр Иванович, мне вот пришла такая мысль в голову: а давайте вместе с вами сходим к Пикову.

– А почему я должен с вами идти? Вы же следователь, можете его и так вызвать.

– Так-то оно так, но в данном случае вы мне нужны как эксперт, вы же ведь все местные книжки читаете?

– Ну да.

– Я вот тут одну книжку Пикова на днях прочитала, называется «День творения злобы». А сюжет этого романа очень

напоминает все, что теперь происходит, ну в смысле убийств.

Они перешли дорогу и направились к серой пятиэтажке, которая располагалась недалеко от шоссе. Когда счастливые жители этого дома лет пятьдесят назад вселялись в новый дом, то на радостях посадили вокруг него всякие деревья: березки, тополя, и прочее. Теперь они выросли выше крыши и окружали дом плотной стеной, так что лучи солнца проникали в окна дома с большим трудом, и в квартирах всегда была полутьма. Деревья росли и во дворе, среди песочниц, скамеек и детских горок. Они подошли к крайнему подъезду, здесь стояли удобные лавочки и на них сидели бабушки. Они внимательно осмотрели молодых людей, но ничего не сказали. Петр со следователем зашли в темный подъезд, Пиков жил на первом этаже, квартира 19. Коновалов позвонил.

– Он здесь живет и у него здесь еще и мастерская, так что вы не удивляйтесь и не пугайтесь. – Предупредил следователя Коновалов.

Долго не открывали, Петр звонил еще раз, наконец, за дверь зашаркали чьи-то ноги и ее открыл худой высокий мужчина, с седой бородкой-клинышком. У него были короткие включенные волосы и серьга в ухе в виде маленькой утиной лапки. На носу каким-то чудом держались очки в оправе квадратной формы. Это был Пиков. Он церемонно раскланялся, отошел в сторону и пропустил гостей внутрь. Коридор был освящен каким-то неярким фиолетовым светом, который лился откуда-то со стен. Коновалов прошел вперед,

а Квятко за ним. Она невольно остановилась и от неожиданности вскрикнула: в полумраке над ней навис огромный клюв какой-то хищной птицы, которая очень злобно смотрела на следователя своими большими глазами светящимися каким-то фосфоресцирующим зеленым светом.

– Не пугайтесь, это Ин Ненармунь – Великая Птица. – Успокоил писатель

Пиков был одет в затертые джинсы и клетчатую рубашу. В его квартире, состоящей из трех комнат, была масса всяких размеров скульптур в основном из глины, дерева и гипса. Скульптуры по преимуществу изображали всяких зверей и птиц, причем все они были какие-то необычные, лишь отдаленно похожие на обычных ворон, воробьев и прочих пернатых. Писатель включил верхний свет в комнате, где стояла самая большая скульптура – Великой Птицы. Юлия Борисовна смогла ее рассмотреть полностью. Внешне она была похожа на большого лебедя, но с более короткой и толстой шеей. У птицы были огромные глаза, длинный зубастый клюв. Она была изображена в момент, когда поднялась на лапы и раскрыла крылья, причем откуда-то из груди птицы вперед тянулись две костлявые трехпалые руки, как будто пытаясь схватить кого-то.

– Жуть какая-то! – Вынесла свое заключение Квятко.

– Ну это мое представление о Ин Ненармуни, оно не совсем совпадает с тем как это мыслили себе вергизы.

– Кто?

Пиков даже от удивления невежеству следователя передвинул очки к переносице, а потом сказал:

– Ну, это, я так понимаю, надо разъяснить. Пойдемте.

И он повел их на кухню. Коновалов, который все это время был в какой-то глубокой задумчивости, наконец, очнулся и наконец, представил Пикову Юлию Борисовну. Тот несколько не удивился ее визиту, как будто, так и должно было быть.

Кухня у Пикова была просторной, окно во всю стену, подоконник широкий, спать на нем можно. Пол выложен ребристой плиткой в шашечку – плитка белая, плитка черная, как шахматная доска, но фигура была только одна: скульптура сидящего волка из гипса, она стояла на подоконнике. На кухне уже был накрыт стол: коньяк, нарезаны лимончики, шоколадки, нарезки и прочее. Роман Пиков явно кого-то ждал и Квятко спросила об этом:

– Вы кого-то ждали, Роман Викторович?

Пиков переглянулся с Коновалов и ответил:

– Вас, только вас.

– Хорошо. – Сказала Юлия Борисовна, делая вид, что поверила Пикову и присела первая за стол. Затем расположились мужчины. Пиков налил по рюмашки, все выпили.

– Вергизы – это местный народишка, которые Гиенов основали. – Сказал Пиков, наливая еще.

– Не слышала о таких. – Юлия Борисовна тоже выпила, глядя прямо в глаза Пикову, они как будто соревновались с

ним. – Я не местная, историю края не так хорошо знаю.

Пиков откинулся расслабленно на спинку стула, Коновалов с любопытством наблюдал за ним.

– Что ж это меняет дело: я помогу вам справиться с вашим незнанием. Многие сотни лет земли, которые сейчас называются Лакинская область, были населены племенами мордвы, обрусевшие потомки их и сейчас населяют некоторые поселки. Как известно мордва это общее название для двух разных народов, само слово так и можно перевести «народ» или просто «люди». Считается, что это самоназвание двух родственных народов – эрзи и мокши. Заметьте, ключевое слово здесь «считается».

– У Ромы другое мнение, но только у него. – Посчитал своим долгом вставить фразу уже захмелевший Коновалов. Юлия Борисовна продолжала внимательно смотреть на Пикова и теперь уже сама себе наливала, а тот в свою очередь продолжал.

– Да, я утверждаю, что это два разных народа. И близко не родственных. Но суть не в этом. – Пиков закурил и затянулся сигаретой, выпустив сизый дым в потолок. – Был еще один народ, как раз, родственник мордве, – он повернулся к подоконнику и показал на скульптуру волка. – Вергизы. Вот они и были третьим племенем.

– И чем же они отличались от других? – Уточнила Юлия Борисовна.

Пиков молчал. Он курил, не обращая внимания на следо-

вателя. Потом спросил:

– Вас, верно, заинтересовал, как видно, мой роман «День творения злобы»? – Наконец сказал он после долгого молчания.

– Уж больно там обстоятельства убийств похожи на те, что происходят последнее время на озере. – Пояснила она.

– Да стандартный сюжет: маньяк, которому в детстве девочки отказывали, вырос и стал их убивать. Но есть отличие: ваши жертвы убиты не так как в моем романе.

– Откуда вы знаете? – Удивилась Квятко.

– Лёня Козлов, ваш патологоанатом, мой добрый знакомый, он сообщил, мне, что вы нашли сильно пораненные трупы. А у меня маньяк просто душил своих жертв и оставляет их на берегу озера.

Опять повисло молчание, которое на этот раз прервал уже изрядно набравшийся Коновалов:

– А как же варгизы? – Спросил он икнув.

– Вергизы. – Поправил его Пиков –. Бабы вергизов, как видно частенько с абашевцами якшались. Представители этой культуры были родственниками предков иранцев. Поэтому считается, что племя вергизов смешанное по своему происхождению и мало общего имеет с мордвой. У них довольно мрачная религия была, всякие там злые духи и прочее. А Ненармунь у них из доброй Великой Птицы, матери мира, превратилось просто в чудище какое-то.

– Можно я домой пойду? – Вдруг попросил пьяный Ко-

новалов, обращаясь к следователю. Та посмотрела на него с жалостью и ответила:

– Придется вам помочь дойти.

Они быстро собрались и отправились домой, пока Петр мог самостоятельно ходить. Пиков вызвался их сопровождать. Когда вышли на улицу уже сгущались сумерки. Зажглись фонари на высоких столбах вдоль дорог. Они молча шли втроем по дороге между пятиэтажками.

– Не пойму, а в чем моя роль как эксперта? – Вдруг спросил Коновалов ни к кому не обращаясь

Никто ему не ответил. Как-то быстро стало совсем темно, они остановились под фонарем, который на этой улице был один, дальше было совсем темно.

– Странно как-то, я вообще место не узнаю. – Заявил Пиков, придерживая Коновалова за локоть.

– Там как будто сараи.

Квятко указал куда-то во тьму с правой стороны от них. Там действительно виднелись на фоне чуть светлого неба, какие-то постройки.

– Слышите, там, кто-то есть. Кто-то шевелится. – Сказала она.

Юлия Борисовна направилась в сторону построек, следом за ней двинулся и Пиков, не желая оставить даму в таком темном и непонятном месте. Коновалов остался один под фонарем, он попытался пойти за следователем и писателем, но ноги плохо его слушались. Поэтому он сел рядом со

столбом и стал дремать. Сколько он так просидел, ему было сложно понять, но через какое-то время, кто-то стал трясти его за плечо. Петр поднял голову и увидел, что это снова его дядя:

– Петя, что это ты опять напился? Прямо каждый день, так и алкоголиком стать можно. Пойдем домой.

Он помог Коновалову встать и тот сперва пошел за ним, но потом посмотрел в ту сторону, где в темноте виднелись какие-то постройки. Он ожидал, что выйдут следователь с Пиковым. Но оттуда не доносилось ни звука. И Коновалов подумал, что все бывшее сегодня ему показалось.

– Дядь Лёша, мы так прямо с тобой так часто видеться стали.

– Ну а то. Прежде эпизодически, теперь почаще. В этом что-то есть

Они медленно шли по освещенной фонарями улице. Вдруг Коновалов остановился, ему показалось, что он слышит какой-то странный звук похожий на шорох.

– Слышишь, дядя Лёша? Что это?

Кобяков тоже прислушался внимательно

– А, звук. Это озеро шумит. Ветер сегодня сильный. Ты уж давно отвык от этого шума. Раньше, когда ты у нас бывал чаще и ночевал, то часто слышал этот звук, а теперь забыл. Ну, ничего вспомнишь.

И Коновалов вспомнил, что дом Кобяковых прямо рядом с озером находится, шум, который поднимали его волны –

это часть его детства, такая же неотъемлемая, как больница, ожёг.

Ночью Петру опять снился священник в том же селе, но теперь он сам держал в правой руке острый серп (лезвие поблескивало на солнце), рядом с ним стоял тот же бородатый дядька, а на стуле сидела связанная по рукам и ногам следователь Квятко. На этот раз у Коновалова было стойкое ощущение того, что он будто бы присутствует в своем собственном сне. И оба персонажа видят его, а тот, кто священник протягивает ему серп, как будто он, Петр Коновалов, точно знает, что им делать в этой ситуации, потому что иначе никак нельзя. Или ты или она. На этом моменте он проснулся. Опять серый день, свет сквозь небольшие окна и дядя Лёша сидящий за столом на кухне и меланхолично пьющий кофе.

– А, проснулся. Говорю тебе, Петя, хватит пить. – Сказал дядя

Коновалов встал, пошел умываться. Как и вчера похмелья он не чувствовал и в целом прекрасно себя ощущал и хотел есть. Он сел за стол и спросил дядю:

– Дядь Лёшь, поешь что-нибудь есть.

Дядя пожал плечами:

– Яичница с беконом.

Кобяков отправился на кухню приготовить яичницу, вскоре Коновалов уже с аппетитом завтракал.

– Слушай, дядя Лёша, а ты знаешь кто такая Ненармунь?

Кобяков с удивлением посмотрел на Коновалова, некоторое время думал, потом ответил, как показалось Коновалову, начав издали:

– Ты ведь знаешь, наш город основали вергизы.

Но тут вдруг он остановился, посмотрел внимательно на Петра и продолжил:

– Ненармунь это их птица.

Коновалов на время перестал есть:

– Да, конечно, это все объясняет. – Петр попытался вложить во фразу весь свой сарказм, хотя никогда этого не умел делать.

Дядя, кажется, не обратил на это внимания:

– А чего ты вдруг про Ненармунь вспомнил?

– Да, вчера у Пикова, знакомого писателя, видел большую скульптуру этой птицы, зубастая такая.

– Зубастая? Странная у твоего писателя фантазия. Вообще-то Ненармунь мирная птица, внешне на лебедя похожа. В мифах мордвы она участвовала в процессе сотворения мира – достает моди, ну т. е. землю, на которой живут люди. Также участвует в сотворении людей.

– Это как?

– Ну, она же птица. Яйцо снесла и высидела, вот человечество и появилось. В этом ей, конечно, помогают боги.

Коновалов доел яичницу и стал собираться на работу. На это времени много не ушло – просто накинул ветровку, попрощался с дядей, который хмуро допивал кофе и даже не

посмотрел на племянника. Короткое время пути до редакции мысль Петра билась над вопросом о том, откуда у него взялась ветровка, ведь он точно помнил, что выходил вчера из дома без верхней одежды, да и не было в его гардеробе такой ветровки.

В редакции он с удивлением обнаружил, что в кабинете никого нет. Долго думать он над этим обстоятельством не стал и до обеда проработал над составлением обзоров. На обед он спустился в столовую и увидел там Юлию Борисовну. Коновалов взял порцию картошки с котлетой и стакан компота с булочкой и подсел к следователю:

– Вот так сюрприз! Кого я вижу.

Квятко от неожиданности вздрогнула: она как-то была сосредоточена в себе и смотрела в одну точку, что-то обдумывая. Появление Петра отвлекло ее:

– Добрый день, Петр Иванович.

Коновалов кивнул головой в знак приветствия:

– И чего вы меня вчера оставили?

Юлия Борисовна пожала плечами:

– Мы с Пиковым осмотрели постройку, чтобы выяснить, что это за шорох. Оказалось, это собака со щенками устроилась в укромном месте. Когда вернулись под фонарный столб, вас уже не было, и мы разошлись по домам.

– Да, меня дядя Лёша увел к себе. – Сказал Коновалов, заглывая котлету.

– Значит, у вас есть алиби на ночь. – Спокойно констати-

ривала Квятко, отхлёбывая свой кофе. Это прозвучало как-то странно, Петр даже поперхнулся, услышав такое неожиданное умозаключение о проведенной им ночи.

– А зачем мне алиби? – Спросил он.

– Потому что в эту ночь убили еще одну вашу сотрудницу – Людмилу Каверину.

– И вы кого-то подозреваете?

– Я подозреваю всех, но в данном случае больше всего вашего поэта Александра Семёнова, так как именно его видели с Кавериной вчера вечером последним. Я его арестовала.

– А поговорить с ним можно?

Квятко какое-то время обдумывала эту идею, потом решила:

– Что ж, пожалуй, в этом есть свой резон. Поехали.

Юлия Борисовна оказалась обладательницей подержанного серого «фольксвагена-пассат» 2000 года выпуска. Коновалов об этом узнал, когда сел в машину и увидел на панели инструкцию по эксплуатации автомобиля. Следователь заметила взгляд Петра и пояснила:

– Приходится изучать матчасть.

Они выехали на центральную улицу. Потом свернули на боковую, потом еще раз свернули и еще раз. Было такое ощущение, что вместо того, чтобы ехать к следственному изолятору самым коротким путем, Квятко его специально удлиняет. Петр спросил:

– А что это мы так странно едим?

– За нами следят. – Не поворачивая головы, ответила

Юлия Борисовна

Коновалов посмотрел в заднее окошко.

– Видите красное «пежо».

– Да.

– Оно за нами следует неотрывно.

Сказав это, Квятко резко свернула в подворотню и остановилась.

– Пригнитесь! – Приказала она.

Коновалов толком не успел сообразить, но инстинктивно наклонился и прижался к панели. Позади раздалось два выстрела, вдребезги разлетелось стекло, одна пуля просвистела над затылком, и проделал дыру в переднем стекле. Квятко ловко вывалилась из машины, выхватила из кобуры под мышкой пистолет и выпустила всю обойму в стрелка, который как раз и палил в них из красного «пежо», но видимо не попала из такого неловкого положения, так как автомобиль уехал, оставив клубы пыли. Юлия Борисовна убрала пистолет в кобуру, и некоторое время смотрела вслед скрывшегося за поворотом автомобиля.

– И что это было? – Задал глупый вопрос Коновалов.

– Ну, очевидно, в вас стреляли. Ладно, разберемся. Поехали в Управление.

Уже через пять минут автомобиль остановился около малопримечательного, серого двухэтажного здания, на фасаде которого под российским флагом красовалась красная

табличка с надписью: «Полицейское управление г. Новый Гиенов». На входе дежурный поприветствовал Квятко кивком головы и нажал кнопку турникета, пропуская их обоих внутрь здания. Они прошли по длинному коридору с рядом дверей в самый его конец, где Юлия Борисовна открыла своим ключом дверь с надписью «Следственная опергруппа». В небольшом кабинете стояло три стола, заваленных разными бумагами. На одном столе сиротливо приютился монитор компьютера. Вдоль стен расположились шкафы с толстыми папками, два зарешётчатых окна пропускали в кабинет много света, так что он несмотря ни на что выглядел вполне уютно. Квятко, сев за стол, который стоял ближе к окнам, жестом предложила Петру присесть на стул за соседним столом. Потом она взяла трубку телефона и сказала:

– Вась, приведи мне Семёнова. Да, я на месте. Нет, собак не надо

Коновалов молчал, рассеяно поглядывая по сторонам. Мелькнула мысль: «Собак то зачем». Через некоторое время в дверь постучали, и в кабинет вошел сержант, который держал за локоть совершенно ошалевшего Семёнова. На нем были одеты потертые джинсы и зеленая майка с принтом лебедя, который очень красиво изогнул шею, внизу под лебедем славянской вязью была надпись: «Ненармунь, 2023». Обращаясь к сержанту Квятко приказала:

– Вась, можешь идти. Мы тут сами справимся, как закончим, позову.

Квятко встала из-за стола и присела на краешек стола, закурила, кивнув на Семёнова сказала:

– Он собак боится. – Она затынулась, выпустила струю дыма в сторону Коновалова. – Ну, спрашивайте, чего вы хотели у него узнать.

Коновалов почему то спросил у нее:

– Юлия Борисовна, а вы, в каком звании?

Она почти не удивилась вопросу, во всяком случае, не подала виду, ответила:

– Капитан.

– Карьерный рост. – Эту фразу Коновалов произнес в задумчивости, потом взял еще один стул, поставил его рядом со своим, и усадил покорного Семёнова. Теперь они сидели рядом за столом и Петр спросил:

– Ну, Саша, рассказывай, как ты Люду убил.

– Ты тоже думаешь, что это я? – Чистые, голубые глаза поэта смотрели на Коновалова невинно.

– Вы пока подозреваемый. Вас последнего видели с Людмилой. Причем на озере. – Уточнила Квятко

– Ну, правильно мы с ней осматривали место проведения фестиваля, прикидывали, как все разместить, что где будет, кого пригласить ну и прочее.

– Какой фестиваль? – Спросил недоумевающий Коновалов

– Ну как же, Петя! – В свою очередь удивился Семёнов. – Каждый год мы проводим праздник Ненармуни, – он ука-

зал на свою майку – Музыка, ярмарка, развлечения. И всегда около озера.

– А когда он начинается?

– Сегодня в шесть часов открытие.

Квятко докурила сигарету подошла к окну и выбросила в форточку окурок, с улицы тотчас кто-то крикнул:

– Да, заебали!

– О, попала. – Усмехнулась Юлия Борисовна прошлась по кабинету, привычно сложив руки на груди. Семёнов и Коновалов молчали. Последнему было не совсем понятно, почему поэт не особенно то и пытается оправдаться. Не есть ли это лишнее подтверждение его невинности? Об этом он хотел сказать следователю, но та вдруг пустилась в размышления:

– Знаете, я вот поймала себя сейчас на мысли: весь ваш город вырос вокруг озера. Странно как-то чаще всего города растут от рек, а у вас вот вокруг озера. И убийства тоже все вокруг озера. Все как-то с ним связано, так или иначе.

– Ну, правильно, озеро – это вода, а вода это жизнь. – Вставил и свою мысль поэт.

Квятко посмотрела на него, как будто что-то обдумывая, чтобы принять какое-то решение, и она приняла его, объявив об этом обоим:

– Ладно, Семёнов, вы свободны. Ведите нас на фестиваль. Славно там проведем время!

Коновалова такое решение несколько не удивило, он начинал привыкать к неожиданным ходам следователя, а Се-

мёнов только облегченно вздохнул и сказал:

– Тогда по коням!

Ново Гиенов был не очень большим городом, с населением не более 50 тыс человек и как-то так получилось, так сложилось исторически он кучно рос вокруг озера. Его структура был концентрическая, здания, выстроившись кольцеобразно вокруг всего диаметра водоема, были похожи на круги на воде, будто от брошенного в озеро камня или нырнувшей птицы.

Фестиваль «Ненармунь» проводился городской администрацией каждый год. На это время приглашали какую-нибудь маленькую, дешевую звезду из столицы, подтягивали свою самодеятельность – национальные меньшинства пели, плясали.

От Управления до озера расстояние было недалекое, и машина Квятко преодолела его за десять минут. В пути все молчали. Семёнов недовольно смотрел в боковое окно. Коновалов также смотрел в окно, но в лобовое. Из отверстия, оставленного пулей дул ветер. У Петра в памяти опять всплыл эпизод из детства, когда он лежал в больнице и, тоскуя по маме, часто стоял около окна в коридоре и смотрел на улицу. Впоследствии он никак не мог вспомнить, что он там видел на улице. Но вот сейчас, подъезжая к месту парковки, он отчетливо увидел перед глазами эту картину за окном больничного коридора: он видел кусочек озера и лебедя, медленно плывущего по воде.

Они припарковались на специальной площадке, где уже стояло несколько десятков машин. Отсюда было всего ничего до сцены, оборудованной на берегу Святого озера. Оттуда неслись звуки заливчатской музыки и шум людей. Народ во множестве бродил по берегам озера, где были расставлены палатки со всякими товарами, которые привозили окрестные селяне, чтобы продать их наивным горожанам. Отовсюду доносился запах жареного мяса: шашлыки, купаты, окорочка.

Квятко и Коновалов пробирались к сцене. Семёнов по дороге поспешил ретироваться, чтобы не искушать судьбу и растворился в толпе. А следовательно с Коноваловым достигли сцены в тот момент, когда какой-то певец закончил петь и ушел, а на сцену выплыла танцовщица в костюме лебедя и в глубоком реверансе застыла посередине сцены, зазвучала музыка и из-за кулис выплыли дети в белых, развевающихся платьях, и закружились вокруг лебедя. Они то меняли направление, то останавливались и кружились на месте, изящно поднимая руки, и все это было так слажено и синхронно. А лебедь-балерина так и сидела в центре неподвижно. Вдруг девочки выстроились в линию, замерли, опустили головы и двинулись, семеня ножками, к лебедю. А та, при их приближении внезапно ожила, поднялась, а за спиной у нее выросли огромные крылья. Дети окружили балерину, прижались к ней, и она также внезапно снова опустилась вниз и сложила крылья, так что все дети оказались под ними, как будто их

и не было. Восторженная публика заплодировала, а Юлия Борисовна во все время выступления стояла, сложив руки на груди, и хмуро смотрела на все действие, когда оно закончилось, сказала:

– Странное какое-то представление.

– Почему?

– О чем этот танец?

Коновалов несколько недоумевал от такого невежества следователя по поводу местного фольклора, но вспомнив, что Квятко не гиеновская, он решил просветить её:

– Это они историю Ненармуни изобразили. Эпизод сотворения человека. В центре сцены девушка изображала мифическую птицу, а дети ее птенцов, которые вылупились из яйца извлеченного ею со дня озера.

– Это я поняла, – Юлия Борисовна посмотрела на Петра как на дурака. – А почему все наоборот-то у них происходило в этой интерпретации?

– Как наоборот?

– Дети не из птицы вышли, а в нее зашли.

– Действительно. – Коновалов произвольно пожал плечами и высказал свою догадку. – Может, этим они показывают, что Ненармунь и после рождения оберегает своих птенцов, закрывая их от опасности крыльями.

Следователь молча кивнула головой, толи, соглашаясь с этим толи просто каким-то своим мыслям. Между тем уже наступало тёмное время суток, и они пошли вдоль кромки

озера по направлению к туристическим палаткам, которые виднелись на дальней площадке. И как раз вовремя: небо, на котором прежде, буквально несколько минут назад, висела полная луна, затянуло густыми тучами цвет которых, в этой тьме был не различим, и хлынул дождь, сначала медленно, а потом ливень. Коновалов с Юлией Борисовной в панике заметались по берегу и побежали к палаткам, залезли в одну из них, чтобы укрыться от дождя. Это была обычная туристическая палатка на двух человек со специальным козырьком от дождя. Она плотно закрывалась на застежку и совершенно не пропускала воду, капли дождя просто барабанили по прорезиненной ткани.

В палатке было два спальника, аккуратно свернутые в валик. Квятко и Коновалов сидели в темноте и смотрели друг на друга, глаза их отсвечивали в тусклом свете фонарей, который чуть проникал в палатку. Коновалов почему-то шепотом спросил:

– Юлия Борисовна, а вы смерти боитесь?

– Нет.

– Вы дура?

– Это почему?

– Ну, говорят, что смерти только дураки не боятся.

А дождь все шел и, кажется, усиливался, казалось, что небо обрушилось на несчастный город. Квятко прилегла на спальник, Коновалов последовал ее примеру.

– А чего её боятся? – Следователь глубоко вздохнула. –

Она же все равно будет. Вы мне лучше скажите, кто на вас покушался. Есть какие-то мысли по этому поводу?

– Не знаю, кому понадобилась моя смерть, даже предположений нет. Я очень обычный журналист и человек, вполне рядовой. Никаких расследований не провожу, сенсаций не ищу, компромата не добываю. Просто пишу обзоры местных изданий. Заметьте, даже не рецензии, просто обзоры, типа, о чем та или иная книга, кто ее написал, издал. Я не высказываю мнений, суждений, я никого не ругаю и ни с кем не спорю. Я со всеми доброжелателен и вежлив. Не понимаю, за что меня кто-то хочет убить.

На некоторое время воцарилась тишина, только капли дождя продолжали барабанить по материи.

– Наверное, вы кого-то бесите своей обычностью. – Предположила Квятко, Петр понял, что она перевернулась на бок и смотрит на него, подложив руку под голову.

– Кого?

– Меня, например.

Опять замолчали, потом Квятко заявила:

– Знаете, я вчера Космолётова отпустила из-под стражи под подписку, сегодня вот Семёнова. Так что у меня не осталось подозреваемых. – Сказала она.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем отпустили?

– У меня толком нет на них никаких улик.

– А заколка в столе у Космолётова?

– Ну, это ни о чём. Выяснилось, что они с Люсей любовники были. Космолётов факт этот от жены, да и от всех скрывал.

Под звуки дождя они оба уснули. Коновалов сразу, будто в темную яму провалился, но приглядевшись к этой темной яме, неожиданно понял, что это вода, огромная толща воды, через которую он плывет, все глубже и глубже погружаясь в ее толщу. Вместе с погружением как в яви всплыло воспоминание детства: ему лет десять и он купается в Святом озере с друзьями, больше всего на свете он любил нырять и нырял глубже всех и мог дольше всех быть под водой. Однажды они поспорили с двоюродным братом Володей, который тоже был неплохим ныряльщиком, кто глубже нырнет. Володька долго от него не отставал в воде, Петр не хотел сдаваться и все опускался ниже и ниже, не заметив, что брат не выдержал, отстал и стал подниматься на поверхность. А он нырнул на ту глубину, которая раньше ему была недоступна, воздуха не хватило, и он стал захлебываться, тонуть, сознание начало меркнуть, затухать.

И снова ему снился светлый березовый лес, но на этот раз он шел вместе с священником отцом Корнилием. Петр просто внутри себя знал, что его зовут Корнилий. Они шли по широкой аллее, и говорил отец Корнилий, это был не диалог, а монолог, который произносил пастырь и во сне Коновалов слышал его речь не с начала, а как будто отрывки из

монолог:

– Бог – есть тьма и чем глубже мы в нее погружаемся, тем яснее понимаем нашего Создателя

Они остановились на берегу озера и оба вглядывались в его темные воды. Поверхность забурилась, как в кастрюле, потом вода закрутилась в вихре, образуя воронку из центра которой поднялся огромный, красивый белый лебедь, он приподнялся и широко раскрыв крылья издал протяжный клекот открыв свой огромный клюв, наполненный острыми, плоскими зубами, светлые глаза птицы наполнились кровью и приобрели зловещий красный цвет.

Коновалов проснулся и еще какое-то время смотрел на матерчатую крышу палатки, освященную ярким солнцем. Сон как то особо его не взволновал, а вот то, что было в его воспоминаниях, взбудоражило: он помнил, что в тот день его спас Володька. Он нырнул второй раз, вытащил брата на берег, и Петр помнил, что лежал на траве, выплевывал воду и видел, будто окаменевшее лицо брата. У Квятко зазвонил телефон, она проснулась и ответила:

– Да, я слушаю. Поняла, сейчас буду.

Она резко встала со спальника, начала пробираться к выходу, Коновалов спросил:

– Что-то случилось?

– Трупы убитых девушек из морга исчезли.

Они выбрались из палатки. День обещал быть прекрасным: тепло и не мокро. Квятко направилась в сторону мно-

гоэтажек, Петр двинулся следом за ней.

– Ты сейчас куда?

– Мы уже на ты?

– Ну, вроде как переспали. – Попытался пошутить Коновалов

Юлия Борисовна остановилась, смерила сверху вниз Коновалова (только сейчас он заметил, что она выше его на целую голову) ответила:

– Смешно. В Управление иду.

– Интересно, их по частям из морга вытащили?

– Почему по частям? – Недоумевала Квятко.

Она остановилась во дворе пятиэтажки, села на лавочку закурила, Петр сел рядом с ней.

– Они целые были. Откуда такая информация, что их разрезали?

– Да в редакции болтали, будто их на части разрезали, а эти части на берегу озера нашли.

– Чушь какая-то. Они, конечно, порезаны были, странные какие-то пореза на груди, на руках. Их утопил кто-то.

– А может они сами утонули?

– Ага. И порезались сами, причем у всех порезы в одних и тех же местах.

Юлия Борисовна докурила сигарету и встала со скамейки.

– Ладно, пойду. И тебе хорошо бы на работу сходить.

Коновалов последовал ее совету и отправился в редакцию. Было около семи утра, до начала рабочего дня остава-

лось полтора часа и он решил зайти к дяди, освежить свои воспоминания.

Частный сектор еще мирно спал, не было слышно даже лая собак, да и, как заметил Петр, псы на него всегда как то слабо реагировали. Он шел по улице, мимо преимущественно деревянных домов, погруженный в свои собственные мысли. Не доходя двух кварталов до дома Кобякова, он обратил внимание на автомобиль, стоящий во дворе. Красный «пежо». Это совсем мимолетное впечатление. Тогда толком в кутерьме Петр успел только увидеть, что машина, красная и фирменный знак на капоте. Сейчас он был не уверен, эту ли машину он видел. Но все же сердце как-то ёкнуло, неприятно тогда было, когда в тебя стреляли.

Кобякова племянник застал в кухне. Он сидел за столом и пил чай с сушками. Петра он встретил без энтузиазма, и даже хмуро, однако поприветствовал, предложив присесть, чаю не предложил.

– Чего пришел? Так просто или какое-то дело есть?

Коновалов не обратил внимания на настроение дяди. Его волновало другое.

– Я вспомнил один эпизод из моей жизни. В детстве меня спас Володя. Это так?

Кобяков перестал пить чай, поставил кружку на стол, пар из нее поднимался тонкой струйкой. О изучающе и как-то отстраненно посмотрел на Коновалова.

– Вспомнил? – Недоумевал он. – Ты уж не такой малень-

кий был, чтобы не помнить. Если бы не Володька тебя бы и не было сейчас. Он вытащил тебя тогда. Откачал.

– А что он тогда увидел?

– Что увидел? – Не понял Кобяков.

Коновалов смутился, не знал, как объяснить, да и не стал, подумав, что может все это издержки сна, поэтому ответил:

– Ладно, проехали.

Он поднялся и покинул дом своего дяди, тот не был против и никак не выразил своего отношения к такому факту, продолжив пить чай. Когда он вышел на улицу красный «пежо» был на месте, это успокоило Коновалова, и он пошел на работу. Последнее что он помнил в этот день это яркая вспышка, а потом тьма.

* * *

Холодные белые стены больничной палаты действовали на Юлию Квятко угнетающе. Но она старалась сохранять спокойствие. Юлия всегда держала себя в руках и не позволяла себе терять контроль. Сейчас она сидела на стуле в палате, рядом с кроватью, на которой лежал с перевязанной головой Петр Коновалов. Странный чудак, которого несколько раз вчера огрели битой по голове. Главное она не могла понять – почему и кто это мог сделать. А ведь могли и забить насмерть, к чему видимо все и шло и если бы не случайные прохожие неизвестно чем все закончилось бы. Коновалов подал признаки жизни, пошевелился, застонал и открыл

глаза.

– Очухался? И кто тебя, помнишь? – Спросила она.

– Откуда, я не видел никого. Вышел от дяди, дошел до арки, ну знаешь, там, в девятиэтажке, и вдруг вспышка, боль, и все – дальше ничего не помню.

Квятко помнила эту арку: два девятиэтажных дома при-мыкали друг к другу, и между ними была устроена арка, под-держиваемая двумя столбами. Место действительно уеди-ненное, даже днем. Коновалов попытался встать, но как только его ноги коснулись пола и он попытался приподнять-ся, то голова закружилась, и он тут же рухнул на подушку.

– Да лежи ты, Петя. Врач сказал у тебя сотрясение. Недельку, как минимум, тут полежишь. А я за это время по-пытаюсь твоего преследователя найти.

Коновалов опустил голову на подушку, боль постепенно прошла, он закрыл глаза и начал засыпать. Квятко отпра-вилась выполнять свое обещание – искать тех или того, кто по-кушался на Коновалова. Когда Юлия Квятко вышла из боль-ницы, накрапывал мелкий дождь. Она подумала, что, пожа-луй, стоит сначала сходить к дяде Коновалова. Все же он был последний, кто его видел перед покушением. Она знала ад-рес дяди из дела. По привычке всегда, когда она расследо-вала какое-то дело старалась собрать максимальную инфор-мацию на всех – свидетелей, подозреваемых и мало мальски касаемых данного дела людей.

К Кобякову пришлось добираться пешком – транспорт

в старую часть города не ходил, да и идти пешком было сравнительно недалеко. Она шла по неровной дороге мимо маленьких деревянных домиков и думала о том, что очень странные вещи происходят вокруг этого обычного и ничем не примечательного журналиста. С чего вдруг на него покушаться? Кому он мог так насолить? В сущности, несмотря на все усилия, она не так много собрала информации о Коновалове: родился в Лакинске, закончил там среднюю школу, потом журфак в местном университете. Никогда никуда не выезжал дальше пределов Лакинской области, особых высот в своей карьере журналиста не достиг, максимум – был чуть больше года редактором какого-то заводского листка. Впрочем, многие так и живут – просто обычный человек, просто живет. Но что-то в нем было не так и это ее влекло к нему. Квятко отдавала себе в этом отчет, но не могла в потоке жизни разобраться в своих мыслях по этому поводу, оставляла все на потом.

Старый город ей не нравился, как и вообще все старое. «Домишки эти кривые снести все нахрен» – думала она, приближаясь к дому Кобякова. Его дом ей, впрочем, понравился, он был вроде и как все, но какой-то торжественный, праздничный, как торт. И конек необычный на крыше – в виде головы волка. Алексей Кобяков как раз выходил из дома, куда-то собирался. Квятко не стала выяснять куда, показала удостоверение, и Кобяков пригласил ее в дом. Там он спросил:

– Что случилось?

– На племянника вашего покушались.

Кобяков как бы и не удивился. Спокойно поставил чайник на плиту кипятить воду.

– Вы не удивлены?

Он сел за стол напротив Квятко, взял сушку и громко ее раскусил.

– Я ожидал примерно чего-то такого.

– Объяснитесь.

– Коллекторов мало кто любит, тем более таких лютых как он. Он такие прессухи устраивал должникам, некоторых доводил до сердечного приступа. Так что, думаю, желающих поквитаться с ним с тех времен, когда он проходил эту должность, еще остались.

Пришла очередь Квятко от удивления кусать сушку и тщательно ее пережевывать, запивая горячим чаем, она такой информации о Коновалове не нашла:

– Ну и, дальше рассказывайте. – Заинтересовалась Юлия Борисовна.

– А чего дальше? Когда он судебным приставом работал, такую жестокость проявлял, что даже начальство вынуждено было его уволить. А с того времени, когда он менеджером по продажам работал вроде бы уж нет недовольных, поразьехались по большей части. А то среди его покупателей было много тех, кто ему открыто угрожал, за то, что он им дорогую неисправную технику втюхивал. Он вот с тех пор и зати-

харился, в редакции работает, книжки почитывает, статейки пописывает. Так что врагов у него много.

После этой фразы Кобяков подошёл к серванту, в котором, отражаясь в зеркале, стояли кружки и чашки из сервиза, а также статуэтки балерин и разных зверушек. Но Кобяков не стал открывать стеклянную дверцу, а открыл нижний шкафчик из которого достал лист А4 положил его на стол, перед следователем.

– Это что? – Спросила Юлия Борисовна

– Это список врагов моего племянника, предполагаемый.

Квятко внимательно прочитала список, посмотрела на Кобякова и ушла. Она находилась в некотором раздумье. Посмотрела на соседний, справа дом и увидела красное «пежо». Это живо ей напомнило недавние события с перестрелкой. Как раз вышел на порог дома хозяин. Высокий, черноволосый кудрявый мужчина в синих брюках и клетчатой рубашке на выпуск. Было видно, что он всегда свои кудри зачесывает назад, и его прическа напоминала мочалку после взрыва. Но цвет волос был красивый – иссиня-черный. Лицо у соседа было вытянутое и смуглое как у индуса из штата Лахор. Следователь окликнула его, он от неожиданности вздрогнул. Квятко показала удостоверение и представилась. Он назвал-ся Дмитрием Бобковым. Поинтересовалась его ли это машина, он подтвердил, что да, он хозяин. Юлия Борисовна обошла машину, заглянула под днище, зачем-то провела пальцем по лобовому стеклу.

– Вы куда сейчас идете? – Спросила Квятко

– На работу, в таксопарк, я там диспетчером работаю.

Следователь как-то с сомнением посмотрела на него, но потом кивнула головой, одобряя профессию и выбор жизненной стези Бобковым и предложила:

– Давайте вместе пройдемся, нам почти по пути, мне надо задать вам пару вопросов.

Они двинулись по центральной улице города – Большой по направлению к Управлению, там, через дорогу от него находился таксопарк. Некоторое время они шли молча, потом, наконец, Юлия Борисовна задала первый вопрос:

– Вы Петра Коновалова знаете?

Бобков встал как вкопанный и с ненавистью посмотрел на Квятко. В следующее мгновение выяснилось, что ненависть направлена не на Юлию Борисовну, а на Коновалова:

– Это главный наш враг! – Выпалил он.

– Почему наш? – Поинтересовалась Квятко

– Я имею в виду, нашей организации. – И он указал на значок, прикрепленный к карману рубашки с правой стороны. Квятко не сразу обратила внимание на него, а теперь рассмотрела: две буквы «С» соединенные книзу концами и, как будто составляя композицию раскрывающегося яйца из которого выклеывается лебедь с раскрытой книгой. Все это на красном фоне. По окружности значка надпись белыми буквами «Союз спасения». – Я председатель Союза.

– И кого вы спасаете? – Поинтересовалась Квятко.

– Всех, кто желает, мы не делаем ни для кого ограничений, пока есть время еще можно в наш Союз вступить.

Эта фраза ничего не объяснила следователю Квятко, ее больше интересовал вопрос с какого бока здесь Коновалов. Она еще раз об этом спросила Бобкова.

– Коновалов считает, что все в мозге, все в уме. Вся мифология, все предания, религиозные догмы придуманы умом, потому что мы не знаем его возможностей, как он говорит, даже на 10 процентов.

В этот момент они уже подошли к Управлению и Квятко по-прежнему не могла понять, о чем говорит Бобков, но ясно было одно – ему тоже есть, за что не любить Коновалова. В свою очередь председатель Союза начал догадываться, что та парадигма, в которой он и его друзья уже живут пару, лет не близка и даже, где то чужда следователю. Он догадался, что нужно сделать и достал из своей сумки красивый буклет, который протянул Юлии Квятко со словами:

– Вот, почитайте, вам будет более понятно, о чем я веду речь и в чем суть наших противоречий с Коноваловым.

Председатель повернулся на каблуках и отправился в таксопарк, не дожидаясь ответа следователя. Юлия проводила Бобкова взглядом. «Ладно, если что, повесткой вызову» – подумала она и направилась к Управлению. В кабинете она застала своего помощника лейтенанта Степана Комова. В Управлении он появился недавно, сразу после окончания института полиции. Молодой, неопытный, немного застенчи-

вый. У него были голубые, доверчивые глаза, кудрявые рыжие волосы и широкие скулы. Одет он был в ярко-зеленую рубашку, черные брюки, на ногах синие ботинки. Он всегда одевался так, что цветовая гамма выбранной им одежды вызвала недоумение. Когда Квятко вошла в кабинет, он сидел за столом и сосредоточено изучал какое-то дело.

– Правильно делаешь, этим и будешь заниматься, пока я распутываю дело Коновалова. – Сказала Юлия Борисовна, обратив внимание на то, что он читает. А это действительно было дело о пропаже трупов трех девушек убитых маньяком. Комов закрыл дело, откинулся на спинку стула, закинул за голову руки, сомкнув их ладошками на затылке и мечтательно произнес:

– Дааа, загадка.

– С чего начнешь?

– На озеро схожу.

– Зачем? Тела же украли из морга.

– Мало ли, надо еще раз осмотреть место преступления.

Квятко больше не стала ни спрашивать, ни возражать, пусть сам разбирается, уже большой. Степан надел плечевую кобуру с пистолетом, облачился в зеленый пиджак, который висел на спинке стула и вышел.

Был прекрасный день. Ни тепло, ни холодно. Один из последних таких в августе, как казалось. Потом настанет осень, полетят липкие и цветные листья с берез и вязов, растущих вдоль дороги, ведущей к озеру и задолбуются дворники их

убирать. «Вот так всегда – летом зной, а осень не заметишь, как и подкатит со своими дождями и хмурым небом, тучи так и будут плыть косяками» – думал Степан, широко шагая по дороге. Он всегда ходил быстро и широким шагом, поэтому с ним не любила никуда ходить Юлия Борисовна, которая уважала обстоятельность и медленное течение событий. «Ах, Юлия Борисовна, классная ты баба!» – опять подумал Комов и на этом невероятный поток мыслей в его мозгу иссяк. Он закурил на ходу.

Вскоре он пришел к озеру. Ветер не играл с его кудрями, а значит установилась тишь – так понял Степан. Водная гладь озера была почти идеальна, высоко летали речные чайки, где-то щебетал воробей. Степан сделал затяжку, выпустил дым через ноздри и снова подумал: «Надо бросать курить». Он бросил окурочок на песчаную отмель и заметил маленький, круглый предмет. Комов наклонился и поднял с песчаной поверхности белую, перламутровую пуговицу, видно от рубашки. На всякий случай он положил ее в маленький пакетик с клапаном, а пакетик сунул в карман пиджака. На этом осмотр места преступления был закончен.

Пока Степан осматривал место преступления, его начальница изучала буклет, подаренный ей Бобковым. В нем говорилось о том, что «Союз спасения» создан в 1992 г. группой энтузиастов г. Новый Гиенов и в настоящее время насчитывает уже более 30 отделений в разных городах страны. Численность организации указывалась в пределах 33000 че-

ловек. Далее указывались формы работы Союза: туристические поездки, проведение конференций и семинаров, организация лагерей, работа с детьми и молодежью. Буклет был очень красочный с фотографиями, где радостные люди занимались разными делами и были в разных местах отдыха. Цель организации указывалась так: «Ожидание птицы Ин Ненармунь для личного спасения и спасения всех». Больше информации не имелось, Квятко мало, что поняла и решила, что это какая-то секта, а по таким вопросам лучше обратится к эксперту и такой у них в Управлении был – это начальник отдела по мониторингу религиозных движений майор Анзор Витальевич Щербаков.

Майор сделал карьеру в ГАИ, на старости лет его перевели в этот странный отдел – следить за верующими. Хотя в органах правопорядка, да и вообще у служивых «старость лет» понятие относительное, они уже и в 45 лет престарелые (в том смысле, что на пенсию можно выйти). Вот и Щербакову было, что-то около сорока. Это был толстенький мужичёк с лысиной и глазами с прищуром и некоторой хитринкой. Самодовольный и скрытный. Его кабинет находился в конце коридора. Повертев буклет Союза в руках, Анзор Витальевич презрительно бросил его на стол заваленный папками и разными другими буклетами не менее красочными.

– Это секта? – Спросила Юлия Борисовна

– Признаков секты в этой организации нет, мы проверяли.

Это скорее такое просветительское общество: изучают мест-

ный фольклор, проводят семинары и конференции, тренинги роста и восстановления душевного спокойствия, много у них просветительских программ для детей.

– А что это за цель у них такая странная: ««Ожидание птицы Ин Ненармунь для личного спасения и спасения всех»?»

– Это их слоган такой. Типа девиза.

Квятко в разочаровании от услышанного села на диван, который стоял в кабинете Щербакова. Она совершенно не могла понять, как это все связано с Коноваловым.

– Все Христа ждут для спасения, а они птицу Ненармунь, странно это. – Посетовала она.

Рядом с диванчиком стоял столик и на нем чайник с дымящимся чаем, Анзор Витальевич налил себе чашку, отпил глоток и продолжил просвещать Квятко:

– Видите ли, люди на самом деле давно перестали верить во что бы то не было или в кого бы то не было. Все что мы сейчас видим это только внешние атрибуты, локации жизни для разных слоев населения. В этой связи «Союз спасения» не являясь религиозной организацией, создает некий суррогат, иллюзию счастья для своих членов. В этом нет ничего наказуемого. Тем более, что члены Союза как-бы принимают эти условия.

– А мне показалось, что они искренне верят в эту Ненармунь. Ждут от нее чего-то.

– Почему это вам так показалось?

– Я говорила с их председателем, как его там, а Бобковым.

Они искренне ненавидят Коновалова.

– А при чем здесь, Коновалов? – Недоумевал Щербаков.

– На него покушались, вот ищущих всех, кто испытывал к нему недобрые чувства.

Анзор Витальевич поставил кружку с чаем на стол, подошел к шкафу и долго там что-то искал, так что Юлия Борисовна притомилась, зевнула и стала засыпать.

– А вот! – Громко вскрикнул Щербаков, доставая папку с полки, Квятко от неожиданности вздрогнула.

– Здесь мое собственное расследование по поводу Коновалова. Можете изучить.

И он протянул папку Юлии Борисовне, та проявила какой-то вялый интерес, к ней. Пролистала подшитые листы, в тексте шла речь о каком-то Координаторе.

– И что это? При чем здесь Координатор? И кто он вообще такой?

– Он и есть Коновалов. – Торжественно заявил майор. – Хакер. Он сайт Союза хакнул. Это точно установлено, атака на их сайт была в прошлом году с компьютера Коновалова.

«Еще и хакер» – подумала Квятко отдавая папку Щербакову. «Может он и трупы украл?»

Квятко попрощалась с Щербаковым и пошла к себе в кабинет. Там уже пил кофе Степан.

– Как дела? – спросила Юлия Борисовна, присаживаясь за свой стол.

— К озеру ходил.

— И зачем? Трупы из морга пропали, на озере то ты чего искал?

Степан хитро прищурился, будто что затеял или хотел гадость, какую сказать и сказал:

— А вот и не напрасно на озеро пошел, вот пуговицу нашел.

И Комов торжественно достал из кармана пакетик с пуговицей, протянул его Квятко. Та не удержалась от смеха, прыснула в кулачок, но пакетик все же взяла, мельком рассмотрела. На мгновение ей показалась, что такую пуговицу она где-то уже видела.

— Ладно, Степа, пойду домой, а ты сходи в морг и опроси сторожа, патологоанатомов. Выясни все обстоятельства.

Юлия Борисовна с чувством выполненного долга отправилась домой. Ее дом, располагался недалеко от Управления. Это был старая, пятиэтажная, блочная брежневка. Угловая квартира Юлии Борисовна располагалась на пятом этаже. Квятко получила ее от Управления как служебную. Она жила в однокомнатной квартире со скудной обстановкой: стол, диван, пару стульев, шкаф для белья. Все довольно аскетично. В квартире не было книг. На кухне простенький гарнитур, железная раковина, никакой посудомоечной машины и газовая плита о двух конфорках.

Зайдя в квартиру, в темной прихожей, Юлия Борисовна сняла туфли и в изнеможении села на табурет. Некоторое время отдыхала. Потом вскипятила чайник, попила чаю и

вышла на балкон. Был чудесный день конца августа, с особым запахом в воздухе неуловимо напоминавшем, что близится осень с ее тоской, дождями и мертвым небом.

Юлия Борисовна обратила внимание на группу людей, сидящих за столом во дворе и увлеченно играющих в карты. Среди игроков был Пиков. «Любопытно» – подумала Квятко и решила спуститься к нему, поговорить.

Когда Юлия Борисовна дошла до стола во дворе, игроки уже разошлись, один только Роман Пиков сидел за столом и собирал в колоду карты. Увидев Квятко, он поздоровался и спросил:

– А вы как тут?

– Я живу тут, вот в этом доме. – Следователь кивнула на свою пятиэтажку.

– Ха, а мой дом вот напротив, надо же какое совпадение. – Подытожил Пиков.

Юлия Борисовна села за стол напротив него, поинтересовалась:

– Во что играли?

Пиков мгновенно ответил:

– Да так, в дурачка перекинулись с мужиками, на интерес.

На детской площадке шумели дети, мамочки на соседней лавочке вели долгие разговоры о быте. Пиков, собрав карты, не собирался уходить, он сложил руки на столе лодочкой и уставился на следователя.

– Вы о чем-то хотели спросить, Юлия Борисовна?

Квятко в этот момент отвлеклась, наблюдая за мальчиком, который в песочнице старательно строил из песка башню, но суть вопроса Пикова до нее дошла и она спросила:

– Вы, Роман Викторович, давно пишете книги?

– Да сколько себя помню, в детстве начал сочинять и всякие истории друзьям рассказывать. Помниться я еще в школу не ходил, и писать не умел, а уже сочинял.

– И много с тех пор написали?

– Два романа.

Квятко удивлено подняла брови и продолжила любопытствовать:

– Одина я читала в нем 72 страницы, а второй?

– Вы имеете в виду, сколько в нем страниц? Там 82.

– И сколько продали?

– Первый роман я купил и Коновалов, а второй роман купил только я и дал Коновалову почитать, чтобы тот рецензию написал, а то он деньги не хотел тратить на покупку.

– Выходит у вас только один читатель?

– Два, вы же тоже читали, значит два читателя теперь.

Квятко задумалась. По сути, она не могла себя назвать книгочеем и никогда склонности к художественной литературе не испытывала. Пожалуй, читала ее только в школе, по программе. В остальном то, что положено по программам учебных заведений, где она училась. Позиция Пикова ей была не понятна, поэтому она уточнила:

– Ну а в чем смысл вашего писательства?

– Преображение словом. Видите ли, мир большей части людей представляется сплошным скучным потоком, так мыслят люди-трава. Я делаю этот мир с помощью своих книг более упорядоченным.

– А что значит люди-трава?

– Это подавляющая часть жителей Земли. Это те, кто рождается просто не для чего, как трава. Просто жить, потом умереть.

– А вы, значит, не трава. – Она сказала это с раздраженным сарказмом, скульптор это заметил и поспешил уточнить:

– Люди-трава – это не уничтожение кого-либо, в этом определении нет ничего с моей стороны высокомерного, просто большинству людей неважно как жить, а тем более упорядочивать свою жизнь посредством слова, они просто живут.

«Просто живут» – повторила про себя Квятко и запомнила эту мысль, потому что она тоже «просто жила», но надо было теперь не отвлекаться от основной мысли и спросить о Коновалове, но спросила о другом совсем.

– Роман Викторович, а что вы знаете об организации под названием «Союз спасения»?

Пиков хмыкнул, крутанул головой, шепнул: «Вот декабристы хреновы», но у следователя уточнил:

– С Бобковым уже успели познакомиться?

Следователь молча кивнула. Пиков подозрительно прищурился и стал раздавать карты. Квятко досталось два туза,

бубновый валет две пиковые дамы и шестерка крести.

– И во что мы играем? – Не поняла Юлия Борисовна.

Пиков улыбнулся, кинул на стол свои карты – у него была сплошная мелкота, Квятко раскрыла свои карты, художник печально улыбнулся:

– Везучая вы. Но про Бокова и его друзей я вам так скажу – фанатики они, просто религиозные фанатики.

– Религиозные? – Удивилась Юлия Борисовна. – А вот наш эксперт по религиозным делам майор Щербаков говорит, что это просто невинная просветительская организация.

Здесь уже наступила очередь удивляться Пикову, он в молчании собрал карты, аккуратно положил колоду на стол.

– Да ваш Щербаков один из основателей Союза. Можно так сказать идейный вдохновитель и тайный помощник. Сам он свое отношение к организации не афиширует.

Солнце уже клонилось к горизонту, наступали сумерки, а за ними темное время. Становилось прохладно, Квятко зябко передернула плечами. У нее возник еще один вопрос к Пикову.

– А сами то вы, почему так осведомлены о делах Союза?

– Я когда-то был активным его участником. – Признался художник.

– И почему ушли?

– Коновалов убедил меня, что не стоит заниматься такой ерундой как ждать Ненармунь.

– Как это ему удалось?

Пиков ответил не сразу, надеясь, что не будет следовательно так настойчива в своих упованиях. Но видел, что Квятко терпеливо ждет.

– Петр объяснил, мне, что все это выдумки. Фантазия людей. Если в древние времена фантазии всяких буйнопомешанных становились мифами и основой религиозных воззрений и представлений, то теперь, в наше время, когда писатели силой своей фантазии придумывают сказочные миры, более совершенные, чем прежде, верить, а тем более руководствоваться древними историями о чудесных существах, просто глупо. Для меня, как художника, его доводы были убедительны, и я порвал с Союзом. На мой взгляд, они не тем путем идут.

В этой философии Квятко заинтересовал только один пункт, касающийся персонально Коновалова, а он именно и был противником Союза, поэтому Юлия Борисовна спросила об этом у Пикова:

– Могли ли члены Союза желать смерти Коновалову и организовать на него покушение?

Вопрос немного озадачил Романа Пикова, он на мгновение задумался, взвешивая то, стоит ли на него вообще отвечать и все же принял решение правильное:

– Нет, я думаю, Союз на это не способен.

– Обоснуйте.

– Это все слишком мягкие и нерешительные люди, да и по большей части Союз состоит из рафинированной, что назы-

вается, интеллигенции, домохозяек, сопливых юнцов, блогеров и жителей интернета, т. е. всех тех, кто в принципе не способен на решительные действия.

– И чего они хотят?

– Ну как чего? Спасения от смерти.

В этот момент, кто-то от угла дома крикнул: «Викторыч, ну ты идешь?» Оба, и следователь и Пиков, повернули в ту сторону голову: у угла дома стоял худощавый старик и махал палкой, призывая Пикова.

– Это кто? – спросила Юлия Борисовна

– Это художник Колбасов, мы с ним вместе за водкой ходим. Я пойду?

Квятко кивнула головой в знак согласия. Пиков быстро удалился со своим другом. Юлия Борисовна еще какое-то время в раздумии сидела, потом захотела пойти в Управление, проверить как там дела у Степана. На этот раз решила прогуляться, и от дома пошла не прямо к Управлению, а сделала круг, через сквер.

Квятко не была лириком. Романтизм ей также был чужд, суровая реальность занимала весь ее ум и чувства. Поэтому она почти не имела склонности к рефлексии по поводу окружающих ее красот. А между тем городской сквер был лучшим местом в Новом Гиенове. Лично мэр Ахазов после переизбрания на четвертый срок, в нарушение устава города, который по такому случаю подправили, потратил собственные средства на то, чтобы это место стало лучшим в городе.

Здесь были выложены плиткой новые дорожки, вдоль них поставлены красивые садовые скамейки, оборудовано хорошее фонарное освящение. Но суть сквера была не в этом, а в изумительных аллеях лип, пирамидальных тополей и дубов. Сквер был разбит горожанами еще в далекие дореволюционные времена к 300-летию дома Романовых, когда все ожидали нового расцвета Империи.

Теперь мощные деревья высились по обе стороны дорожек и шелестели своими листьями, создавая непередаваемую атмосферу далекого прошлого. Медленно передвигаясь по дорожке, в самой глубине сквера, Юлия Борисовна увидела небольшое здание кафе «Библиотека» и вспомнила, что, по словам майор Щербакова – это заведение общепита славилось своими сырниками. В Квятко самым пошлым образом взыграло чувство голода, она вспомнила, что еще не обедала и решила зайти в кафе отведать великолепных сырников.

В кафе было накурено. Что называется, топор вешай. В двух залах почти все столики были заняты шумными людьми, которые непрестанно курили и что-то обсуждали. Пили в основном пиво, хотя вывеска на кафе была какая-то детская и веселая изображавшая паровозик из Ромашково. Также призывала к интеллектуальному труду внутреннее убранство кафе – повсюду стояли книги.

Квятко нашла свободный столик, заказала сырники и капучино. Пока готовили заказ, она осмотрелась и обратила

внимание на то, что мужик за соседним столиком болтая с друзьями и отпивая пиво, исподтишка следил за ней. Юлия Борисовна не подала виду, делая вид, что не замечает этого.

Принесли сырники и любимый кофе. Последний оказался совсем даже ничего. А вот сырники вряд ли можно было отнести к лучшему из того, что когда-нибудь она ела или вообще назвать сырниками. Было такое ощущение, что их сделали из самого дешевого творога, который долгое время хранился в тепле, а потом про него вспомнили и использовали для приготовления.

Увлеченная поеданием продукта, Квятко не сразу обратила внимания, на то, что мужик из-за другого стола подсел к ней и поэтому, когда он спросил: «Вы следователь» от неожиданности вздрогнула.

– Да. У вас ко мне какое-то дело.

Незнакомец выглядел каким-то напуганным. У него было вытянутое лицо, черные, зачесанные назад волосы, а глаза серые.

– Вы хотите знать, кто покушался на Коновалова? – Спросил он.

– Конечно.

Мужчина подвинулся ближе и шепотом сказал:

– Это Бобков.

Квятко была разочарована. Но виду не подала. Доела невкусные сырники и обратила внимание на девиз кафе, который был написан на стене: «Не ешь никакой мерзости».

Прежде на эту надпись она не обращала внимания, теперь поняла ее смысл. Она расплатилась за обед и вышла на порог кафе, посетитель увязался за ней, и тут Юлия Борисовна снова увидела красное «пежо», которое стоял на площадке чуть в стороне от «Библиотеки».

– Вам интересно? – Опять спросил назойливый посетитель кафе.

Квятко смерила его оценивающим взглядом (так бы сказал внешний наблюдатель, посмотрев на следователя): кажется, у него был небольшой нервный тик, правая щека произвольно подергивалась.

– Как ваша фамилия? – спросила она

– Дракон-Драконов, Борис, Петрович. – Он все эти части своего имени и фамилии так и произнес отдельно, будто в самом деле их отделяя друг от друга запятыми.

– Чудесно. – Сделала вывод Квятко. – Сейчас вот, машину осматриваю, тогда и поговорим.

– Это моя машина. – Заверил ее Дракон-Драконов. – Ну, т. е. я ее в прокат взял.

– Показывайте где.

Они вместе сели в машину и поехали. Дракон-Драконов объяснил, что прокат находится на другом конце города, хотя, что он под этим понимал, было непонятно, так как он выехал на шоссе вдоль озера и ехал долго прямо мимо бесконечно спальной застройки Ново Гиенова. Серое здание проката располагалось посреди таких же серых домов, ко-

торые только что покинули Квятко с Дракон-Драконовым. Единственное украшение здания надпись на фронто́не: «Тише едешь, дальше будешь». Вокруг проката стояли машины на любой вкус.

Борис Петрович тормознул прямо у входа, и они зашли в здание, открыв стеклянную дверь. Внутреннее пространство представляло собой обычный офис со всеми его принадлежностями: столы, стулья, шкафы папки в них, принтер, ксерокс, мониторы на столах, милые девушки и среди них поэт Семёнов. Он, нисколько не смутившись прибывшим гостям, притворно раскинув руки, пошел на встречу Квятко с восклицанием:

– Ба, какие люди!

Квятко не ожидала здесь встретить поэта и никак не понимала его энтузиазма, поэтому спросила:

– А вы, что тут делаете, Семёнов?

– Я совладелец этого заведения вместе с Космолётовым.

Дракон-Драконов услышав эту фамилию, необычайно оживился, будто ему медом язык намазали.

– Вот, вот, этот Космолётов заодно с Бобковым

– Да погодите вы, Борис Петрович, давайте последовательно разбираться в проблемах, сначала с Семёновым, а потом с вами, – раздражилась на Дракона-Драконова Юлия Борисовна и уже обращаясь к поэту, строго спросила его, – вы помните, что вас хоть и отпустили, но вы остаетесь под подозрением.

– А в чем собственно дело? – Спесь с него несколько сошла, он оробел.

– Показывайте книгу записей тех, кто брал красное «пежо», оно у вас в прокате одно?

– Да, такой марки и цвета, одно. – Виновато сознался поэт и попросил девушку, которая сидела за дальним столом от двери принести книгу записей. Та была недовольна этим распоряжением, это было видно по ее выражению маленького лица. Она медленно поднялась и пошла к шкафу, расположенному в углу офиса. Она старательно покачивала бедрами при ходьбе и кожа юбки-карандаша, плотно обтягивающая ее попу бликовала, попадая под прямые лучи заходящего солнца. Девушка вернулась от шкафа с тетрадь в руках, протянула ее Юлии Борисовне, обдав холодным презрением посетительницу, но следователь не обратила внимания на это, углубившись в изучение записей. Собственно, тех, кто брал в прокат машину в этом и прежнем, ему предшествующем месяце, было немного: сам поэт, Космолётов, Любовь Кобякова и Дракон-Драконов:

– Кто такая Любовь Кобякова? Фамилия что-то знакомая. – Строго спросила Квятко.

– Я не обязан знать всех в городе. – Обиделся Семёнов.

– А я знаю, кто это! – Поспешил оповестить всех Дракон-Драконов.

Юлия Борисовна с удивление окинула его взглядом, не ожидая найти в нем такой компетентный источник ин-

формации.

– Это председатель Общества изучения культуры варги-зов. – Просветил следователя Борис Петрович и тут же предложил, – здесь недалеко есть кафе, «Голубой печенег», пойдете туда, я в спокойной обстановке все расскажу, заодно поужинаем.

Кафе «Голубой печенег» располагалось через дорогу от проката. Это было небольшое одноэтажное здание, еще советской постройки задрапированное какими-то голубыми стальными панелями. По всему периметру здания имелись окна, которые были закрыты плотными шторами. Также «Голубого печенег» окружали плакучие ивы.

Внутри кафе царил полумрак, освещенный только не очень яркими светильниками, располагавшимися на столах, расставленных вдоль стен. Под потолком крутилась светящаяся сфера, разбрасывая отраженный от фонарей в потолке свет во все стороны помещения. В кафе было не людно. Квятко и Дракон-Драконов заняли крайний справа столик от входа. Заказали вечерний кофе, и запеченную рыбу дорадо. В ожидании заказа погрузились в беседу.

– Я преподаватель Новогиеновского государственного университета. Преподаю философию ну и всякие сопряженные предметы. – Признался Борис Петрович

– Вы что-то хотели сообщить о покушении?

– Да, да. Но надо сначала пояснить, что моя жена года два вступила в Союз спасения, вы же уже в курсе того, что в на-

шем городе есть такая организация? – Он вопросительно посмотрел на следователя, она кивнула головой в знак согласия, и он продолжил. – Так вот, с первого дня членом Союза стала моя жена Клавочка.

– И зачем это ей надо было?

– Вы понимаете, помимо бессмертия Союз обещает своим участникам омоложение после определенной процедуры, которую произведет со своими адептами птица Ненармунь. А моя Клавочка всегда боялась старости, даже больше чем смерти и она искренне поверила этим бредням Бобкова и Щербакова, насчет Ненармуни.

– И в чем суть? Насколько я помню, по рассказам того же Щербакова, Ненармунь дает бессмертие, но не омоложение. – Не согласилась Юлия Борисовна.

– Так то оно так, но это с какой стороны посмотреть на проблему. Суть смерти, биологическая, в том, что стареют клетки организма, а вместе с тем стареет и весь организм. Так вот в Союзе гарантируют и это – обновить клетки.

Молодой официант в голубом фартуке, принес рыбу, вечерний кофе и кружку пива, которую он поставил перед Дракон-Драконовым, тот сделал удивленные глаза:

– Я заказывал кофе!

– Разве? – Удивился молодой официант. – Но вы традиционно в это время суток пьете пиво.

Борис Петрович некоторое время молчал, ожидая еще чего-то от официанта, но поняв свою опрометчивость, махнул

рукой и стал пить пиво. Официант удалился.

– Продолжаю. По сути, вся человеческая цивилизация строится вокруг проблемы смерти, которая в разное время находила свои способы решения, наиболее ярчайшие способы до Христа были найдены в Древнем Египте и буддистами. Обе традиции оставили соответствующие источники: первые «Египетскую книгу мертвых», вторые «Тибетскую книгу мёртвых», мы с вами понимаем, что данные названия достаточно условны.

Борис Петрович отхлебнул глоток пенного пива и в наслаждении замер, по всему было видно, что он большой любитель этого напитка.

– Но не об этом я. – Продолжил он свою лекцию. – А о том, что здесь у нас в Новом Гиенове изобрели свой способ избежать смерти и заодно омолодиться.

Квятко в это время, слабо слушая, принялась за рыбу, ловко орудуя ножом и вилкой, но суть того что говорил ей профессор улавливала:

– Это вы про птицу Ненармунь?

– Да. – Борис Петрович сделал два больших глотка, а следователь отложила вилку и спросила:

– Вот уже не первый раз слышу об этом способе, а как собственно все должно происходить, как птица будет спасать?

– Здесь нужны, прежде всего, проводники. Девушки, которые добровольно примут смерть и потом возродятся.

Последняя информация крайне заинтересовала Юлию

Борисовну, но она не стала углублять тему и спрашивать об этом профессора, а доедая рыбу, хотела уточнить, все же почему он думает, что Бобков замышлял покушение на Коновалова. Но ход ее мыслей и дальнейших действий прервал внезапно ворвавшийся в кафе Степан. Он без церемоний сел за стол к конфидентам, запросто поздоровался с Дракон-Драконовым, щелкнул пальцами официанту и ему принесли пива, как-будто персонал давно ждал его прихода и заранее был осведомлен о его заказе.

– Вы знакомы с Борисом Петровичем? – Насторожено спросила Квятко.

– С Петровичем? – Степан озорно посмотрел на профессора и шутливо ткнул его в плечо кулаком. – А то! Он у нас философию преподавал. У, лютый был, я ему зачет три раза сдавал. Дракон, одним словом.

– Да вы, Степан, были не самый лучший ученик. – Недовольно выразился Борис Петрович и хотел продолжить свой спич, но Степан опередил его:

– Я трупы нашел, которые из морга сбежали.

– И где они. – Скептически поинтересовалась Юлия Борисовна.

– Их Космолётов украл.

Квятко с досадой махнула рукой, будто ее напарник нес какую-то чепуху. Но тот был упорен в своем предположении:

– Да говорю вам, Юльборисовна, он вчера в морг приходил.

– И что?

– Интересовался, что да как. А после его ухода трупы исчезли. Надо к нему идти, пока тепленький и на работе.

Квятко была в нерешительности. Информация, озвученная Степаном, не внушала ей доверия, во всяком случае, не подвигала ее предпринять какие-то решительные действия, но неожиданно недоуменную ситуацию разрешил профессор:

– А пойдете к Космолётову, у меня есть, что у него спросить, а вам интересно это будет узнать.

И они отправились в редакцию. Но не успели они выйти за порог кафе, как Квятко позвонили. Она взяла телефон сказала: «Да», кротко слушала и изменилась в лице не в лучшую сторону. Закончив разговор, она посмотрела на своих напарников и сообщила:

– На Коновалова опять покушались.

И все втроем направились в больницу. Когда они зашли в палату Коновалов спал. Никто не знал, что ему снилось, а между тем Петр опять переместился в красивый березовый лес, где вдоль водной глади озера выстроилась шеренга голых девушек, совершенно свободных в демонстрации своего тела. Священник, как заправский судья по плаванию, махнул им рукой, и они дружно прыгнули в воду. Звук плещущейся воды разбудил Коновалова и, проснувшись, он обнаружил в своей палате трех гостей.

– Что здесь произошло? – Спросила Квятко, присажива-

ясь на край постели.

– Откуда я знаю. Встал ночью в туалет. Пошел по коридору, кто-то накинулся сзади, набросил веревку. Спасибо медсестрам, шум подняли и он убежал.

– Ты хоть кого-нибудь видел?

– Нет, все было очень неожиданно.

– Ладно. Тебе здесь оставаться нельзя, поживешь у меня.

Это было сказано таким тоном, что Петр даже не пробовал возражать, а стал собирать свои вещи. Тем временем Юлия Борисовна отдала распоряжение Степану посмотреть камеры и допросить медсестер, которые дежурили в эту ночь. А сама с Дракон-Драконовым пошла к зав отделения, предупредить его о том, что забирает Коновалова и чтобы он быстро оформил выписку. Потом они вместе с профессором вышли из больницы и у входа дожидались Коновалова.

– Так что там с женой вашей, Борис Петрович? – Решила продолжить прежний разговор Квятко.

– Она верит в эти все бобковско-щербаковские бредни, хочет обновиться, заменить старое тело новым. Поэтому и можно сделать вывод, что единственно кто заинтересован в смерти или в том, чтобы Коновалов замолчал каким-то другим образом – это Союз спасения. Потому что он их критикует. Выводит, что называется, на чистую воду.

– Но никаких доказательств вы привести не можете?

– Я вам даю идею. Указываю на мотивы, а уж доказательства собрать ваша задача.

Постепенно сгущались сумерки. Солнце все больше близило к горизонту, тени деревьев начинали исчезать, наступало тёмное время суток. Воспользовавшись этим профессор, попрощался, дал свою визитку с контактами и ушел. Из больницы, наконец, вышел Коновалов. Он был несколько растерян, и казалось, что-то обдумывал.

– Как-то неудобно мне у тебя ночевать. – Нерешительно промямлил он

– Неудобно спать на арбузе. Твоя жизнь за последнее время несколько раз подвергалась опасности. Я не вижу другого способа тебя уберечь, как не оставлять одного. Пошли.

Коновалов покорился, тем более что от стремительно темнеющих суток ему было как-то не по себе. Они быстро добрались до квартиры Квятко и, попав к ней домой оба сняли обувь в прихожей. Юлия прошла в комнату, села на диван и вытянула в расслаблении ноги.

– Может поужинать, что-то сообразим? – Спросил Петр

Квятко прикрыла глаза, но вопрос слышала, потому что не спала, как могла показаться, поэтому ответила:

– Посмотри там, на кухне, может что есть.

Коновалов открыл холодильник и обнаружил там кусок сыра, относительно свежий, а в кухонном шкафу завалялась пачка макарон. Через некоторое время спагетти с сыром были готовы. Нашлась и бутылка непечатой «киндзмараули». Они ели, сидя за маленьким кухонным столом друг против друга, и Юлия Борисовна все больше налегала на вино. Ма-

ленькими глотками, попивая вино и уже захмелев, она поглядывала на Коновалова.

– Много про тебя нового узнала, пока ты в больнице лежал. – Сказала она.

– И что же? – Ответил Петр с набитым ртом.

– Слушай, а кто такая Любовь Кобякова?

– Тетя моя по матери. А чего она так тебя заинтересовала?

– Да вот подозреваю, что именно она на тебя покушалась.

Или кто-то по ее наводке.

Коновалов вытер полотенцем масляные губы и облизнулся, сложил руки на столе, но вина больше не пил, с лукавинкой сказал:

– Тетя Люба если кого и ненавидит до состояния, чтобы убить то только птицу Ненармунь.

– Это чего так? – Левая, тонкая, изящная бровь Юлии Борисовны поползла немного вверх от удивления.

– Если ты знаешь про тетю Любу, то знаешь о том, что она возглавляет какое-то общество изучения культуры и прочего вергизов, а они естественные враги Ненармуни. Вергиз переводится как волк.

Квятко доедала макароны с сыром. Она никогда не была слишком разборчива в еде и не склонна к кулинарным изыскам. Спросила:

– Поподробнее?

– Сколько я знаю эти легенды, вергизы отделились от своих единоплеменников в древние времена, когда часть пле-

мен вошли в контакт со скифо-сарматскими племенами и переняли часть каких-то их тайных знаний и ритуалов.

Юлия Борисовна допила вино. Доела макароны.

– Ладно, Петя, пойдем спать, а то, что-то ты мне одни сказки рассказываешь.

Квятко застелила постель себе на диване, Коновалову дала раскладушку, сама удалилась в ванную приводить себя в порядок. Петр возился с раскладушкой, наконец, установил. Остановился в нерешительности: снимать одежду или нет, лег в трусах. И Юлия Борисовна вошла в комнату в одних трусах. У нее были красивые груди, соски неприлично торчали. Она выключила свет, легла на диван.

– Ну и что дальше? – Снова спросила она.

– У тебя груди красивые. – Заметил Коновалов.

– Я знаю. Так как там дальше события развивались.

– Если вкратце. – Опомнился Петр. – Вергизы считали, что Ненармунь это не птица счастья, которая дает бессмертия путем вечного обновления жизни, а птица конца. Она ныряет на дно Океана Вечности и вытаскивает кусочек мрака из Хаоса на поверхность земли, который уничтожает жизнь. Вот они и считали, что стоят на страже мира и не дают Ненармуни опуститься на дно Океана. А если все же это происходит, они охотятся на неё.

– Они оттягивают конец света. – Заключила полуголая Квятко.

– Что-то вроде того. Но скорее не оттягивают, а они счита-

ли, что совсем ликвидируют возможность конца. Собственно, с их точки зрения, это и есть бессмертие. Т. е. человечество длится вечно и бесконечной чередой множества поколений, не прерванных вселенской катастрофой. Если случится эта катастрофа, человечество исчезнет, потому что прервется непрерывность. Вот они и воюют против Ненармуни

Наступила тишина. Юлия Борисовна обдумывала полученную информацию. Потом снова спросила:

– Значит, вергизы убивают Ненармунь?

— Получается так. Каждое воплощение птицы они устраивают. Конечно, это все легенды, выдумка.

– Хорошо. Давай спать, Петя. Завтра много дел.

Но заснуть Коновалову никак не удавалось, хотя он слышал, что Юлия практически сразу уснула – она немножко похрапывала. Он все думал: во сне девушки прыгнули в озеро и он не видел, как они поднялись на поверхность и поднялись ли. Он не смог это увидеть. Петр уснул под утро, и неожиданностью стало для него, когда Юлия трясла его за плечо, а в окно во всю светило солнце. На этот раз Квятко была одета в брючный костюм бордового цвета.

– Вставай, завтракать пора. – Сказала она.

Коновалов еле продрал глаза и отправился в ванну, умываться. Он посмотрел на себя в зеркало. Часто так делал: долго смотрел в зеркало, будто пытаясь навсегда запомнить свой облик, зачем-то. На полочке в ванной стоял стаканчик, в нем две зубные щетки в упаковке и еще одна без нее, видно имен-

но ей чистила зубы Юлия Борисовна. Петр извлек одну щетку, тщательно почистил зубы и, набрав три раза в сложенные ладошки холодную воду умылся. Вода с лица стекала в раковину. Наконец, он вышел в кухню, где уже Квятко доедала яичницу. Она указала ему на сковородку вилкой и сказала:

– Там для тебя осталось.

Он сгреб яичницу на тарелку, сел напротив, а Юлия пила кофе, поглядывая на него:

– Ты мне про Любовь Кобякову не рассказывал.

Тема родственников для Коновалов была какой-то всегда сложной и даже неприятной. Особенно по линии матери. По линии отца он никого не знал, потому что и сам отец ему был неведом – он ушел из семьи, когда Петру едва исполнилось два года. Во всяком случае, ему так объяснили, когда он повзрослел. Мать не любила о нем рассказывать, а он и не особо спрашивал, ему почему-то это было неинтересно, как и неинтересно все, что касалось родственников по материнской линии. Но деться от них было некуда, так как они сами по себе присутствовали в его жизни, так или иначе.

– У мамы было четыре сестры и брат.– Наконец сообщил Коновалов.

– Они из села?

– Да, здесь не так далеко от Ново Гиевнова, село Наталка. Там все и родились, а как взрослые стали, переехали в город, кто куда, в Лакинск, Ново Гиенов, Мефодиев, вообще разбрелись по всей области.

– Да, интересная история. Ладно, давай собираться, пора работать, по дороге остальное расскажешь.

Она встала, одела кобуру под пиджак, передернула затвор пистолета, Коновалов разглядывал его, Квятко, заметив это потрясла им и сказала:

– Это наградной «кольт», за службу дали.

Это была ценная информация, Коновалов усмехнулся про себя ничего не подумав. Они вышли из дому, и как-то само собой так получилось, что пошли по аллее тополиной, которая пролегала вдоль озера.

– А чего тебя так моя тетка заинтересовала? – Спросил Коновалов.

– Скорее не она, а машина, которую она арендовала у твоего друга Семёнова, помнишь, то красное «пежо»?

Коновалов снова вспомнил, как в них стреляли, мурашки пробежали по коже.

– Наверняка не одна она арендовала этот автомобиль. – Заметил Петр.

– Это да, но я проверяю всех.

– И что у нас одно «пежо» в городе?

– Представь себе одно. И это то самое, из которого стреляли, я осмотрела его, там есть следы от моих пуль, я все же в автомобиль попала.

«Зачем тети Любе на меня покушаться, бред какой-то» – подумал Коновалов. Тётю помнил только из детства. Она иногда навещала их семью, приносила всякие гостинцы:

фрукты, конфеты. Она была круглолицая, полная и очень улыбочивая. Любила Коновалова тискать в раннем его детстве, чем вызывала в нем неприязнь. Но это давно все было. Если бы он сейчас ее встретил, наверное, и не узнал бы.

– Ну и что это за Общество, которое Кобякова возглавляет?

Вопрос Квятко отвлек Коновалова от собственных мыслей и от очередного провала в воспоминания, а ему нравилось именно проваливаться в воспоминания эпизодов не такой уж и длинной собственной жизни. Но он ответил:

– Я думаю это уже старческое. Тёте 65 лет, и она вдруг вспомнила, что Кобяковы последние представители народности вергизов. Во всяком случае, в Новом Гиенове. Вот она и решила узнать об этом народе как можно больше.

– И как, узнала?

Опять Коновалов задумался. А Юлия как бы и не ждала ответа, просто наслаждалась летним утром и сочным воздухом. Она даже села на лавочку и откинула голову, закрыв глаза, навстречу солнечным лучам.

– Ее усилиями Общество начало жить. Она нашла и других вергизов по области. Они часто собираются на всякие тусовки, кстати, и вот этот ежегодный фестиваль «Ненармунь», ее инициатива. Она собрала много всяких материалов, даже язык вергизов изучила, хотя он и мертвым считается.

Последняя фраза как-то заинтересовала Квятко, она

спросила:

– Чем он так примечателен?

– На нем Ненармунь говорит.

– Как она может говорить? Она же птица.

– Она необычная птица, мифическая. Она участвовала в сотворении человека. Так мордвины считают.

Коновалов присел рядом с Юлией Борисовной. Она сложила руки на груди, и Петр невольно залюбовался ее прекрасным профилем. Юлия чувствовала его взгляд, но ничуть не смутилась, а опять задала вопрос:

– Слушай, а что общего у Любове Кобяковой и Бобкова, просто я видела автомобиль, который она арендовала у Семёнова рядом с домом Бобкова.

Коновалов сделал круглые глаза, он как-то не подумал о том, что Юлия может и не знать всех родственных связей его, поэтому уточнил:

– Она жена Бобкова, просто не захотела менять фамилию.

– О, наш знакомый.

Вдруг сказала Квятко и указала на человека, нелепо размахивающего руками при ходьбе идвигающегося по параллельной аллее вдалеке. В нем Петр узнал Дракон-Драконова.

– Пойдем, перехватим его. – Предложила Юлия Борисовна и тут же поднялась со скамейки.

Профессор сам уже их заметил и остановился, ожидая, когда они приблизятся. Выражение лица его было какое-то расстроенное, и Квятко сразу обратила на это внимание.

– Что случилось, Борис Петрович? – Спросила Юлия Борисовна

– Клавочка пропала, жена моя. – Беспомощно пожал плечами Дракон-Драконов.

– Давно ее нет? – Уточнила Квятко

– Вчера ушла на собрание в Союз, и до сих пор ее нет. Я уже всех подруг ее обзвонил, никто ничего не знает.

– А в Союзе что сказали?

– Бобков говорит, что она после заседания пошла домой.

Они уже втроем шли медленно по аллее и выходили на шоссе ведущем мимо озера, когда рядом с ними приостановился полицейский «уазик». Из окна показалась вихрастая башка Степана:

– У нас труп, Юлия Борисовна! Маньяк опять объявился! – С каким-то странным энтузиазмом сообщил он. Квятко велела всем сесть в «уазик». На этот раз труп обнаружили рыбаки на дальней оконечности берега озера, где не так часто бывали люди и довольно обильно рос ивняк. В кустах, на небольшой полянке, в траве, лежала абсолютно голая, молодая женщина, ее густые, черные волосы разметались по сторонам, грудь ее пересекали три кровавых шрама, как от удара палашом или саблей, в правой руке она держала какой-то букет красных цветов, ноги ее были оплетены узкими полосками из коры березы. На месте копошились эксперты, двое полицейских ограждали место преступления лентой.

Квятко, Петр и Степан вылезли из машины. Рядом с

ограждением стояли два рыбака в брезентовых плащах и панамах, один из них сказал: «Келе». Юлия Борисовна не сразу обратила на это внимание, осматривая труп, и вдруг все услышали пронзительный крик, донесшийся из «уазика»: «Клаваааа!» Дракон-Драконов довольно резко вылетел из «уазика» и бросился к телу женщины, но тут же повис на руках полицейских и как-то скрючившись, заплакал. Юлия велела отвезти его домой, спросила у экспертов, когда женщину убили, те сказали, что примерно часов семь назад, это значит, примерно, часа в два ночи.

– Так, Степан, опроси свидетелей, каких найдешь, осмотри здесь все, а мы к Бобкову. – Распорядилась Квятко и вместе с Коноваловым отправилась в офис к председателю Союза спасения.

Некоторое время шли молча, но потом Юлия Борисовна нарушила молчание:

– Может мне твою тётю арестовать?

– Зачем?

– Ну, она арендовала «пежо» в то время, когда в нас из него стреляли.

Коновалов равнодушно пожал плечами, давая понять, что ему все-равно. Офис Союза располагался в ДК «Авангард». Фойе дома было выложено мраморной плиткой и со всех сторон застеклено, так что казалось, когда попадал внутрь «Авангарда», находишься в аквариуме. Две стальные лестницы с пластиковыми перилами вели на второй этаж, где

располагались разные кабинеты и большой зал. Квятко уже наводила справки и знала, что Союз арендовал весь второй этаж. На входе их встретили два мускулистых охранника в черных костюмах и такого же цвета галстуках, на лацканах у них был пришпилен значок Союза, а в ушную раковину вставлен маленький микрофон рации. Лица у них были суровые и непроницаемые, удостоверение Квятко их не убедило и они звонили шефу, чтобы спросить, пропускать гостей или нет. Тот дал добро. Они поднялись на второй этаж, кабинет Бобкова было найти не сложно – он находился в самом начале коридора. Председатель был не один: за длинным столом с правой стороны от него сидел Щербаков в костюме серого цвета.

– О, Анзор Витальевич, не ожидала вас тут застать. – Сказала Квятко вместе с Коноваловым, присаживаясь по другую сторону стола. Щербаков слабо улыбнулся, сообщил как-то вяло, что вот, мол, зашел к старому другу.

– И давно вы знакомы? – Поинтересовалась Юлия Борисовна.

– Да со школы. В одном классе учились.

– А у вас какое-то дело, Юлия Борисовна? – Поинтересовался Бобков

– Хотела у вас узнать о вашей посетительнице или члене Союза, неважно как ее назвать.

Бобков превратился в само внимание, это было видно по тому, как напрягся его лоб и на нем появился ровный ряд

морщин.

– Я имею в виду Клавдию Дракон-Драконову, она вчера ушла от вас и пропала. Вы не можете мне сказать, что за мероприятие вчера проводилось в вашем Союзе?

Бобков еще больше наморщил лоб, как бы припоминая о ком, идет речь, наконец, вспомнил:

– Дракон-Драконова? А Клавочка! Я как-то просто уж и забыл, что она жена нашего профессора дорогого Дракона-Драконова. Она вчера была на курсах массажа. Ушла где-то около пяти вечера. Сегодня придет снова.– Он выдвинул ящик стола, достал красную тетрадь, посмотрел ее и продолжил. – Ну, вот завтра у нее в 13.00 кружок кройки и шитья. У нас все чем-то заняты, мы никого не оставляем своей заботой.

– Вы же Ненармунь ждете. – Решила напрямую заявить Квятко.

Бобков с Щербаковым удивленно переглянулись и Анзор Витальевич сказал:

– Юлия Борисовна, Ненармунь это просто красивая легенда, не больше. В Союзе изучают предания предков, есть курс краеведения, но он познавательный.

– Наша главная цель – устроить жизнь членов Союза как можно более разнообразно. – Добавил председатель.

– Ну да, за неимением религиозного стимула отвлечь их от мыслей о смерти другими придумками – Вдруг вмешался в разговор Коновалов.

Повисла тягостная тишина, нарушил ее Щербаков:

– А чего вы, Юлия Борисовна, собственно интересуетесь именно Клавдией?

– Убили ее. Тело утром нашли на берегу озера в камышах.

– Четвертая жертва. – Задумчиво изрек Анзор Витальевич, он как будто не удивился этой вести.

– А что-то необычное было? – Поинтересовался Бобков.

Квятко не находила смысла это скрывать, поэтому ответила на этот вопрос:

– Ноги у нее берестой обернуты, и пучок цветов каких-то в руке был зажат.

– Келе. – Почти хором сказали Бобков и Щербаков.

Квятко хотела узнать у них, что это за келе такое, слышала слово это уже второй раз, но не успела – в кабинет заглянул охранник и, обращаясь к Бобкову сказал:

– Там вас жена ищет.

Бобков как-то весь встрепенулся и, попросив прощения у следователя, побежал к жене. Щербаков неодобрительно покачал головой:

– Вызовите его повесткой на допрос. – Посоветовал он.

Квятко ничего не ответила, с Коноваловым они вышли из кабинета и отправились в управление, где их должен был ждать Степан. Оказавшись на улице Коновалов не обращаясь ни к кому пробормотал:

– Все это религиозные и языческие выдумки. Все метание ума человеческого.

Квятко уловила его ворчание и не оставила без внимания:

– Я наслышана о твоих умонастроениях Петя. – Заявила она. – Ты что же ни во что не веришь?

– При чем здесь веришь или нет. У меня просто есть своя теория по поводу всего. Она может не такая уж и оригинальная, но все же такая вот моя.

Налетел сильный, но теплый ветер со стороны озера, копна черных волос Квятко туго затянутых в хвост метнулась вбок.

– Может, просветишь?

Они шли не спеша по главной улице города в сторону Управления белые колонны которого уже виднелись из-за угла улицы, в том месте, где она поворачивала резко на север и вела к областному центру городу Лакинску.

– Ты вот фэнтези любишь? – Начал издалека Коновалов.

– Я похожа на подростка? – Рот Квятко скривился в презрительной улыбке.

– А вот наши далекие предки фэнтези не читали, они им жили. Мифами все это называлось, и они считали это реальностью. Одни все это придумывали, с более буйной фантазией, только, что в книги не записывали, хотя, когда и записывали, а другие верили. Вон, египтяне четыре тысячи лет верили в то, что душа после смерти долго путешествует, а потом снова тело обретает и вечно живет, в наслаждениях и радости. А потом раз, и перестали верить в это, а стали думать, что просто душа ничего не обретает, растворяется

в воздухах. И все. Т. е. другие поколения, другие фантазии ума и все это называли кризисом духовным.

– И что? Где Египет, где мы. – Недоумевала Квятко.

– Истории про Ненармунь по своему происхождению, такие же, как и египетские. У наших предков тоже фантазия была развита, будь здоров как, такое напридумывали.

В этот момент они уже подходили к монументальному зданию Управления, и навстречу им из его недр выходил беззаботный Степан Комов. Он жевал бутерброд, и как всегда из-под полы короткого пиджака у него торчала кобура с пистолетом.

– Приветствую вас Юлия Борисовна и Петр Николаевич! – Церемонно поздоровался он

Они оба поднимались по высоким ступенькам, и Квятко на ходу спросила Комова:

– Какие новости Степан?

– По ходу я нашел того, кто украл трупы девушек из морга.

Юлия остановилась и смотрела на Комова недоуменно, ожидая от него какого-то откровения, равнозначного его заявлению.

– Это точно Космолётов.

– С чего ты взял?

– Он приходил в тот день, когда исчезли трупы, это подтвердил патологоанатом и камеры наблюдения зафиксировали.

– Логично.

В словах Квятко чувствовался очевидный сарказм, но, несмотря на это она резко изменила план своего дня и, посмотрев на Коновалова сказала:

– Тогда пошли в редакцию.

В редакции было как-то пустовато. По коридору никто не шлялся, как будто все вымерло. Хотя обычно туда-сюда зачем-то ходили сотрудники, громко хлопая дверями болтая и хохоча. Секретарша Космолётова сразу пропустила гостей в кабинет к шефу, даже почти не обратив на них внимания. Николай Петрович грустный сидел за свои длинным столом и уныло протирал очки платком. Появлению следователя с компанией он не обрадовался, это было видно по его вялой реакции на приветствие, да и по всей толстой недовольной физиономии. За стол сели только Квятко и Коновалов, а Степан, сложив руки на груди, остался стоять у входа, опершись плечом о шкаф, установленный недалеко от входной двери.

– Чем могу быть полезен? – Пафосно и официально спросил Космолётов.

– Мне ничем, а вот следствию, пожалуй, да. – Ответила Квятко, почему-то нагрубив редактору, но было видно, что он не обиделся, просто немного напрягся.

– Что вы делали позавчера в морге?

– В каком смысле? – Не понял Космолётов, Юлия Борисовна сообразила, что вопрос прозвучал несколько двусмысленно:

– В журнале посещений есть запись о том, что вы приходили в морг, и камеры наблюдения вас зафиксировали. – Уточнила она свой вопрос.

– Я забирал тело своего двоюродного брата, его машина сбила, и я помогал тётке с похоронами, думаю, этот факт на камере также должен был быть зафиксирован.

– Этот событие есть на камерах? – Уже обращаясь к Степану спросила Квятко. Тот был, видимо, в своих каких-то мыслях и вопрос следователя его привел в замешательство, он неловко дернулся, навалился на дверцу шкафа плечом, она открылась и оттуда вывалилась дамская сумочка. Комов тут же поднял ее и хотел засунуть обратно, но Юлия Борисовна его остановила, велев передать сумочку ей. Открыв ее, она обнаружила внутри, помимо обычного косметического набора дамы, пакетика с бумажными платочками паспорт на имя Клавдии Андреевны Дракон-Драконовой. Вопрос в данном случае был естественен:

– И как вы объясните это?

Космолётов поднялся из-за стола, поправил полы пиджака вниз, пригладил волосы назад и друг отбросив свое кресло рванул к выходу. Никто, ничего не успел сообразить, так все неожиданно произошло, и когда спохватился Степан и кинулся следом, Космолётов уже был в конце коридора, а вскоре и на улице.

– Никогда бы не подумал, что это Космолётов сделал. – Нарушил молчание после побега редактора Коновалов.

– Ты думаешь, это он убивает девушек? – В голосе Квятко чувствовалось сомнение.

Петр пожал плечами, сделал вид, что задумался, ему казалось, что в создавшейся ситуации это было очевидно.

– Предполагать это твоя прерогатива. – Наконец выдавил он из себя.

В кабинет шумно вошел запыхавшийся Комов. Он явно был разочарован итогами своего преследования:

– Ушел. – С досадой сообщил он и, переводя дух уточнил. – Там, у входа его ждала машина. Красное «пежо».

– Опять это «пежо». – В досаде Квятко стукнула по столу кулаком. – Так, Комов, узнаешь всю подноготную про этого Космолётова. И главное, где он может скрыться. А мы с Петром пойдем к Кобяковой.

Комов тут же побежал выполнять поручение следователя, и Юлия Борисовна знала, что он все выполнит, все узнает. Степан был надежен и исполнительен, Квятко в него верила.

Они снова шли через городской сквер, вдыхая аромат свежего воздуха, когда увидели на скамейке печального Дракон-Драконов. Квятко решила с ним поговорить, как он держится, может поддержать словом. Профессор поднял голову, узнал Юлию Борисовну (в его затуманенных глазах появилось что-то осмысленное).

– Вот, Юлия Борисовна, не стало моей Клавы. Какой-то злой человек лишил ее жизни в угоду своей веры.

Это заявление удивило Квятко.

– Веры? – Переспросила она

– Ну да. – Дракон-Драконов обратил на нее свои теперь уже совершенно ясные глаза. – Разве не очевидно, маньяк или кто бы он ни был, руководствуется в своих действиях мифом о Ненармуни. И вот теперь сделал мою жену келе.

– Да объясните мне, наконец, что такое келе? – С досадой проговорила Юлия Борисовна.

– Келе – это мировое дерево, береза. В легенде о Ненармуни оно воспринимается как проводник душ наверх, на поверхность океана жизни. Птица берет души со дна или же тех, кто на поверхности погружает на дно мирового хаоса, а они уже потом по келе выбираются наверх возрожденными. Убийца почему-то вообразил именно мою Клаву келе.

– Мы поймаем убийцу, Борис Петрович, обязательно. – Вдруг сказал Коновалов, чем несколько удивил следователя, но она подхватила его мысль:

– И накажем.

Они снова с Петром продолжили свой путь к дому Кобяковой, оставив Дракона-Драконова грустить на скамье об ушедшей так неожиданно жене. «Как бы и ее труп не исчез из морга» – подумала Квятко и вдогонку себе услышала просьбу профессора:

– Юлия Борисовна, вы распорядитесь, а то мне тело жены не отдадут из морга для погребения, говорят вы не дали разрешения.

Квятко остановилась и вполоборота смотрела на Драко-

на-Драконова, что-то надо было ему сказать в ответ на его уверенность, что выдача трупов в ее компетенции. Но может и правда в ее? Мысль эта несколько умиротворила Юлию и она спокойно завершила профессора:

– После всех процедур экспертизы, тело вам отдадут. Надо только немного подождать.

Дракон-Драконов обреченно кивнул, сам поднялся со скамьи, взял под мышку свой тощий портфель и поплелся в сторону института, куда, наверное, до этого шел, но тяжкие думы, видимо, заставили его присесть.

– Слушай, Петр, а если твоя тётка возглавляет это общество вергизов, то что, дядя в стороне что ли? – Неожиданно спросила Квятко. И вправду вопрос застал Коновалова врасплох. Все последние дни в некотором роде перевернули или поменяли его жизнь, размеренную и довольно скучную. Можно так сказать, методичную, и это нравилось Коновалову. И тут в эту жизнь врываются родственники, Юлия, убийца. На мгновение эти мысли мелькнули в голове Коновалова и он посчитал нужным сформулировать на них ответ, который и изложил следователю:

– Мне кажется, там у них всем верховодит дядя Лёша. И Обществом и Союзом. Спелись они как-то.

Теперь эта информация стала неожиданностью для Квятко, она даже остановилась и, присвистнув, выдохнула: «Вот как». И они пошли дальше. Подошли к дому Бобкова. Красное «пежо» также стоял на месте, как и раньше. На стук в

дверь никто не ответил, Коновалов пошел посмотреть в боковое окно и стукнуть в него, чтобы, возможно, услышали, если где-то хозяева в дальней комнате были. Но дверь отворилась и на пороге стояла полноватая, румяная, улыбочивая женщина в голубом сарафане. У нее были русые волосы до плеч, серые глаза и какие-то теплые, мягкие черты лица. Увидев гостей, она еще раз широко улыбнулась, и пригласила их в дом, в зал, обставленный просто, но со вкусом. Повсюду висели вергизские вышивки, а стенка, со стеклянными дверцами была забита книгами. Она пригласила сесть за круглый стол, который стоял посредине зала. Квятко представилась и женщина, услышав ее фамилию, опять улыбнулась и спросила:

– Вы украинка?

Вопрос несколько озадачил следователя, но она ответила:

– Нет. Я в детском доме выросла, на Буковине.

Они сели за стол, вдоль стены стояли стулья со стальными ножками. Ровно пять стульев. Сама Кобякова села на крайний справа, положила руки на колени и приготовилась внимательно слушать.

– Это ваша машина около дома? – Спросила Юлия Борисовна

– Вы уже спрашивали об этом моего мужа. Но машина моя, личная.

«Как-то этот вопрос звучал неправильно» – подумала Квятко – «Надо не об этом спросить»:

– Я хочу найти человека, который пытается убить вашего племянника. Или, может и не один это человек.

– А почему вы думаете, что его хотят убить? Может быть, его просто попугать хотят? И вообще, за что его убивать.

– Ну как же, ведь он, пожалуй, единственный из всех, кто в этом городе противодействует и вашей организации и организации вашего мужа.

– Это, пожалуй, не совсем справедливо. – Вмешался Коновалов в разговор или допрос. – Я просто высказываю свои мысли. И не настаиваю на их истинности. Так думаю, так чувствую, так верю, наконец.

Юлия Борисовна с удивлением посмотрела на Петра – она ожидала от него поддержки, что он подыграет ей, но не такой постыдной оппозиции.

– Однако, Петруша, ты активно досаждаешь нам. – Неожиданно поддержала следователя Кобякова. Коновалов смешался, потупился и примолк, а тётка стала злой, лицо ее исказилось на мгновение, но потом приобрело снова благостное выражение.

– Зачем ты страницы в соцсетях взламываешь наших сторонников?

– С чего ты взяла, тётя? Я толком в компьютерах то не разбираюсь. – Пытался защищаться Петр

Но тут откуда-то из дальних комнат дома вышел молодой человек лет двадцати двух, в черном костюме и сюртуке. Он был очень худ и у него как-то выделялись особенно скулы,

а также черные глаза, которые поблескивали каким-то безумием. Он остановился в проходе, сложил руки на груди и гневно обличил Коновалова:

– Ты, братец, людей смущаешь своим неверием и материализмом, таким грубым и отвратительным, что даже противно становится.

На немое вопрошание Квятко, обращенное в сторону Кобяковой, та сообразила и ответила:

– Это мой сын, Игорь Кобяков-Бобков, соответственно двоюродный брат Петра.

Коновалов молчал. Игоря в отличие от Володи Кобякова он почти не знал, тот уже относился к младшему поколению Кобяковых и он с ним не особо общался. Однако его выступление ему не понравилось и показалось странным, поэтому он возмутился:

– Что значит смущаю? Что вы малые дети? Вот вы тетя Люба, в Обществе, чем занимаетесь?

– Мы собираем. – Непонимающе заморгала глазами Кобякова, и тут же уточнила – фольклор собираем вергизов, язык их учим, обычаи, историю, культуру.

– А для чего? – Продолжал допрашивать Коновалов.

– Чтобы чувствовать себя народом. Чтобы понять свою сущность, осознать себя.

– Ну а к племеннику вашему это имеет, какое отношение? – Спросила Юлия Борисовна, пытаясь, как ей казалось, вернуть разговор в нужное для следствия русло.

– Никакого. Вы почему-то связываете все эти покушения на него с нашим Обществом, а это не так. Каждый имеет право на свое мнение.

– А вот и нет.

Эта реплика донеслась из коридора, и она принадлежала Алексею Кобякову, который через мгновение вошел в зал, держа в правой руке миску с зелеными яблоками.

– Вот яблочки из моего сада, угощайтесь. – Сказал он и поставил миску на стол.

– Дядя, нет у тебя никакого сада. – Мрачно заметил Коновалов.

– Это неважно, племянник. – Не растерялся Кобяков. – Но я не об этом. Мнение может иметь большое влияние на других, на тех, кто его не имеет, и повлиять на них ни в ту сторону, которую нам надо.

Кобяков как будто о чем-то проговорился, сестра на него строго посмотрела и перебила:

– Подожди Алексей. Ты сейчас наговоришь лишнего. Надо просто сказать: у нас и у нашего Общества нет никаких претензий к Петру Коновалову и поэтому ваши подозрения, госпожа следователь, совершенно не обоснованы. Ведь я вас правильно поняла?

Квятко такая решимость Кобяковой почему-то насторожила, она, конечно, никак не показала это, чтобы даже Кобяков совершенно не догадался, но в коридоре опять был слышен шум, хлопнула дверь и зычно крикнули:

– Семья, я дома!

В зал вошел Бобков, в руках он держал коробку с тортом. Глава Союза улыбался, казалось, он был чрезвычайно рад, что увидел всех в сборе, он и сказал всем об этом торжественно:

– Вот как хорошо! Все в сборе. Прямо по-семейному. Давайте чай пить.

Он поставил торт на стол, открыв картонную коробку. Любовь Кобяков пошла на кухню ставить чайник. Игорь стоял, сложив руки на груди, насупившись и взирая на всех свысока. Дядя Алексей достал из серванта чайные чашки с блюдечками и расставил напротив каждого из участников чаепития. Квятко и Коновалов молчали, спокойно наблюдали за всеми.

Уже через минуту кроме торта на столе появились и другие сладости, а также чашки, ложки и горячий чайник с заваркой, семейка Кобяковых уселась с одной стороны стола, а Квятко с Коноваловым оказались по другую. Все мирно пили чай и когда напились и наелись пряниками, слово взял Алексей Кобяков.

– Позвольте, товарищ следователь, на правах старшего среди всех нас объяснить ситуацию, чтобы у вас уже не было никаких сомнений в нашей невинности, а главное незаинтересованности в поползновении на жизнь и здоровье моего племянника.

Он всех обвел взглядом, будто ожидая согласия или одоб-

рения, но все были равнодушны, а Квятко приготовилась слушать.

– Здесь представители двух общин города: одни ждут, другие им мешают. – Начал Кобяков.

– Вы что материалисты? – вставил свое слово, неожиданно Коновалов. Юлия Борисовна посмотрела на него строго, и он не решился дальше развивать свою мысль.

– Нет, нет, Юлия Борисовна, Петр правильно развивает свою мысль. В некотором роде представления Общества материалистичны, в том смысле, что мы не хотим допустить того, чего хотят люди Союза. Мы просто смотрим на это реалистично.

– Вот, вот, в этом ваша ошибка! – С горячностью вступил в беседу Бобков. – Мы знаем, что Ненармунь прилетит и даст нам, то, что желает каждый.

– В том-то и дело, что нельзя полагаться на случай, мало ли что она там со дня может вытащить. – Горячился Алексей Кобяков.

– И поэтому птицу надо уничтожить. – Добавил Игорь.

– Стоп.– Остановила всех Квятко. – Вы все это всерьез?

– Совершенно. – Подтвердил Алексей Кобяков – Юлия Борисовна, вы зря воспринимаете наши увлечения не всерьез. С утратой прежних ориентиров мы ищем и нашли новые. Они, в наследии наших предков и каждый из нас в этом наследии нашли что-то свое. Союз видит спасение в Ненармуни, а мы в том, чтобы проконтролировать ее действия,

воспрепятствовать ей, если нужно будет, вытащить со дня мирового хаоса ненужное и опасное в этом мире. Чтобы не было конца света, и сохранилась непрерывность поколений.

Юлия Квятко ничего больше не стала возражать, но про себя думала, что у этих людей, судя по высказыванию Игоря Кобякова, нет единого мнения о том, как контролировать птицу. Для нее это было важно как следователя. Это могло быть мотивом для одного из них. А вслух она сказала:

– Хорошо, вы меня почти убедили.

Она встала и вышла из дома не попрощавшись, а Коновалов последовал за ней. Семья осталась в безмолвии, но вскоре взял слово Алексей Кобяков, и оно было сурово:

– Игорь, тебя кто за язык тянул?

Но Игорь все также оставался невозмутим и с достоинством ответил:

– Это мои убеждения, птица должна быть уничтожена.

– Да не о том речь, Игорь! Они не должны были понять, что мы агрессивны настроены.

Игорь промолчал. Любовь Кобякова начала собирать со стола и все неторопливо разошлись по своим домам и каждый занялся своим делом.

Между тем Квятко и Коновалов покинув жилище его тети также некоторое время шли молча, свернув в сквер. Уже вечерело, наступало тёмное время суток, ветерок приятно обдувал кожу и путался в волосах.

– Ой, смотри, а что это там? – Вдруг сказала Юлия Бори-

совна и указала рукой куда-то вперед. Там, на возвышенности темнело какое-то здание с куполами.

– Это церковь в старой части города. – Просветил Юлию Коновалов.

– Странно, что я ее раньше не видела. – Удивилась она.

– Не удивительно: у нас все дороги ведут к озеру или окольными путями, мы редко идем так, чтобы прямо лицом развернуться к храму.

Они шли по центральной аллее сквера. Этим путем шли и утром, когда направлялись к Кобяковым. Уже горели фонари, ярко освещая асфальтовую дорожку и скамейки вдоль них. На одной все также сидел Дракон-Драконов, но теперь в компании писателя Пикова. Они выпивали из бумажных стаканчиков водку, бутылка из-под которой на половину пустая стояла тут же на асфальте. Не закусывали. Они выпивали и играли в шахматы. На лавке, между ними помещалась маленькая магнитная шахматная доска с такими же маленькими фигурами. Борис Петрович выглядел бодро, о его утренней депрессии ничто не напоминало, а увидев Коновалова с Квятко, он даже улыбнулся.

– Я рада, что вам лучше, и вы мужественно переживаете утрату, Борис Петрович. – Сообщила Юлия, когда они приблизились к скамейке. Пиков поздоровался с ними, важно кивнув своей лысой головой.

– Зачем же переживать? Ведь Клава жива. – Бодро ответил Дракон-Драконов.

– Как жива? – Возмутилась Квятко, вспомнив бледный труп жены профессора, который она лично видела утром.

– Так, я ее видел. Здесь в сквере вскоре после того, как мы с вами расстались.

Памятуя как из морга пропали, и до сих пор не найдены предыдущие два трупа, Квятко стала звонить Комову, но тот упорно трубку не брал. Пиков сделав на доске очередной ход философски рассуждал:

– Не каждому человеку спастись надо. Не каждый этого заслуживает.

– Это как? – Не поняла Юлия Борисовна

– Человек может потерять свою сущность. Ведь это такой дар – быть человеком, не всякий может его удержать.

– И в каких случаях он его теряет, можно только догадаться, сам человек не всегда это понимает: когда это с ним произошло.– Добавил Дракон-Драконов.

Квятко решила позвонить в сам морг, там ей сонный дежурный ответил, что все трупы на месте. Квятко не стала говорить об этом Борису Петровичу, чтобы не расстраивать его. А он, переставляя фигуру, ладьи сказал Пикову:

– А вам, Роман Викторович, мат.

Пиков руками развел, что ж он проиграл, по этому случаю он допил водку, аккуратно бросил стаканчик в урну и, попрощавшись со всеми, отправился домой. Борис Петрович был задумчив, он оперся пьяной головой о руку, локоть которой поставил на спинку и продолжил свою мысль:

– Вот чтобы заслужить спасение, чтобы не потерять свою человеческую сущность, люди и создали Союз спасения в котором и спаслась моя Клава. И я вместе с ней спасусь.

Квятко и Коновалов не стали больше слушать захмелевшего профессора и также пошли домой. Странно это было для Коновалова. Он шел рядом с Юлией по ночному городу домой, но к ней, а не к себе и принимал как данность этот факт. Она считала, что ему грозит опасность, хотя ему казалось, несмотря на реальные покушения, что это не так.

На ужин Юлия приготовила пасту карбонара. Они ели макароны и выпили по рюмке водки, Квятко заверила: «Надо на ночь». Опрокинув стаканчик, Юля спросила:

– Что ты об Игоре можешь сказать?

– Да ничего. Он, что называется, из младшего поколения Кобяковых, я не общался с ним особо никогда, маленький он был. У меня больше было общений с Володей, который погиб.

– Мне он показался агрессивным каким-то. Он вполне мог на тебя охотиться.

– Да зачем ему это все? Ну, неужели моя деятельность в сети, мое мнение по поводу и Союза и Общества может вызывать такую реакцию?

– Бывает, за более мелкие вещи убивают.

Юлия налила чая себе и Коновалову в чашку, он не спешил пить, все еще доедал макароны. Раздумывал.

– А ты что думаешь обо всем этом? – Спросил Петр.

– Какой-то маньяк действует. Имитирует все под эту легенду про птицу мифическую.

– Тогда наступает финальная часть того, что он задумал. – Предположил Коновалов. – Но я немного другое имел в виду

– Да я поняла. – Квятко лукаво улыбнулась, – не дура совсем. Ты хочешь понять, на чьей я стороне?

– Типа того.

Юлия не спешила отвечать. Она встала и пошла мыть немногочисленную посуду, видимо обдумывая, то, что надо ответить.

– У меня такое ощущение, что все здесь озабочены только одним – как продлить свою жизнь. – Наконец изрекла она.

– А разве это не самое главное? Все этого хотят.

Она развернулась лицом к Коновалову, оперлась о раковину задом и начала вытирать полотенцем руки.

– Это не самое главное, Петя. Есть много в жизни вещей, которые важнее смерти.

– Бог?

– Ты же не веришь? У тебя Бог тоже порождение разума. А потом, ощущение смерти не приближает человека к Богу. Я имею в виду много того, что важно для нас здесь, при жизни. Чем мы живем.

Она повесила полотенце на крючок и закончила свою речь:

– Вообще, чтобы там не было, птица ли это или маньяк, но будет схвачен и по закону осужден. – Квятко немного по-

думала и еще продолжила свою мысль. – Если мы между началом и концом только миг, то важен именно этот миг и то что в нем. Остальное ерунда. Я так думаю. А теперь пошли, Петр, спать.

Снова Юлия легла спать в одних трусиках, а на осуждающие взгляды Коновалова решительно заявила:

– Тело должно дышать.

Петр устроился на раскладушке, какое-то время ворочался, потом заснул. Юли не спалось, она вглядывалась в белеющий в темноте потолок, ни о чем не думала и постепенно сон начал смежить глаза, сквозь пелену она как бы увидела контур мужчины, склонившийся над ней.

– Петя? – Пролепетала она сквозь сон и закрыла глаза. Она уже не видела, что за спиной мужчины раскрылись большие крылья, которые накрыли ее, будто охраняя от всякой опасности или пытаясь задушить.

Петр Коновалов на удивление быстро заснул и не мог видеть того, что происходит с Юлией. Ему снился сон. Он плавает в озере вместе с девушками, которые в предыдущем сне только прыгнули в озеро. Все голые, он тоже. Вода в озере теплая, прозрачная, плавать было приятно, но Коновалов понимал почему-то, что надо выходить из воды. И он вышел на берег, подобрал, лежащее на пеньке махровое полотенце и увидел, что вокруг березовая роща и солнечные лучи сквозь прозрачную листву ярко освещают луг, и дорожку вдоль озера. К нему по дорожке идет священник, он смотрит на ра-

достных, плавающих девиц и на голого, вытирающегося Коновалова. Они приветствуют друг друга, Коновалов обвязывает бедра полотенцем. Они пошли по освященной солнечными лучами березовой аллее.

– А почему вы, батюшка, во сне у меня? – спрашивает Петр.

– Теперь я здесь живу. – Беспомощно развел руками священник.

– Почему не уходите от своих детей? Они же разбойники.

– Ну что ж, разбойники, они же мои дети, я их люблю. Время ушло. Теперь христианин каждый сам в себе и для себя. Хватит Бога для всех стран и государств, Бог он для человека: для меня, для тебя, для моих сыновей. Поэтому в мир мне отсюда незачем идти, там вам теперь помощь в другом нужна.

– В чем же? – Не понял Коновалов.

Священник остановился, посмотрел на него и пояснил:

– В птице, в ней ваше спасение. В том, во что верили ваши далекие предки. И это не умственное, не придуманное, не фантазия, это то, что ты называешь материализмом. Ненармунь очень материальна и желания ваши материальны, поэтому, зачем я вам в вашем мире. Я вера, а вера вам не нужна, ее слишком тяжело обрести и сложно удержать.

Священник, не дожидаясь новых вопросов от Коновалова, развернулся и пошел по аллее, но назад, оставив Петра одного с полотенцем на бедрах. Пройдя шагов десять, он

остановился, повернулся к Коновалову и сказал:

– Но если я понадобится, ты знаешь, где меня найти. Так что приходи.

* * * *

Саша Семёнов зашел в кафе «Голубой печенег», которое располагалось через дорогу от проката. Заказав себе гуляш с картошкой, стаканчик капучино он сел за столик около большого окна. Лучи солнца попадали внутрь кафе, ласкали кожу, но уже не грели так знойно, как в июле. Саша некоторое время сидел, сложив руки на столе, и смотрел в окно: там ехала поливальная машина, и опрыскивала большой струей воды дорогу, разгоняя пыль. Мелкие крупинки воды поднимались в воздух и в них преломлялись лучи света, образуя радужные разводы в воздухе.

Семёнов начал есть. Он сначала зачерпывал пластиковой вилкой тушеный лук из подливки, потом клал в рот кусочек мяса и закусывал картошкой. Ему нравилась эта простая еда, и он подумал о том, что хотел всегда так встречать утро, а потом идти по своим делам. Какое-то смутное чувство удовольствия овладело им и все вокруг казалось таким радостным и приятным.

Он вспомнил, что все можно устроить, надо только дождаться Люду. Он верил, что она вернется. У него была связь с Людой. Что-то похожее на любовь. Она легкомысленная, в порыве страсти рассказала ему и о Союзе и о Ненармуни.

Ему тогда казалось так, что в порыве. Сейчас он подозревал, что не в порыве это было, а план у нее такой был, чтобы стать проводником, ей нужен был возлюбленный и им стал он Саша Семёнов. Сейчас сложно было понять самому Семёнову: верит он в эту возможность стать вечным или нет, но сложно отрицать очевидное – птица есть, он ее видел. Она огромна и он видел, как она схватила Люду и утащила на дно озера, а потом вынырнула, также держа в клюве тело Люды, и оставила его на берегу, а сама снова нырнула и теперь уже не показывалась. Семёнов первым сообщил о том, что тело Люды лежит на берегу, наблюдал издалека, как ее увозили в морг, но никому не сообщил, в том числе и Квятко, что спустя три дня, ровно тогда, когда тело исчезло из морга, он видел Люду живой в тёмное время суток.

Семёнов смотрел сквозь окно на светлую улицу, жевал мясо, радовался жизни, и было неожиданно, когда кто-то сказал ему:

– Привет, Санёк!

Семёнов вздрогнул и увидел перед собой Игоря Кобякова, который пил его кофе. Серые, злые глаза Игоря внимательно смотрели на поэта, в них не было ни капли эмпатии к собеседнику, и если бы Семёнов не знал, что Кобяков простой школьный учитель, то принял бы его за наемного убийцу. Поэт побаивался Игорька, как его за глаза называли, и не совсем понимал ни его мотивов, ни тем более почему его терпят в Обществе.

– Как дела? Какие новости? – Спросил Кобяков допивая кофе поэта.

– Да так. – Пожал плечами Саша и торопливо стал доедать картошку с гуляшом.

Игорь поставил бумажный стаканчик и откинулся на спинку стула.

– Приходил твой Коновалов со следователем к нам. Выспрашивали.

– Чего это он мой? – Слабо возмутился Семёнов.

– Ну, ты с ним приятельствуешь. А я тебе скажу зря.

– Слушай, Игорь, чего ты к нему привязался? Я вот тебя не пойму: кого ты хочешь уничтожить Петра или птицу? Если Петра, то за что? Просто потому что у него другое мнение по поводу всего здесь происходящего. А если птицу, то и ищи ее.

– С чего ты взял, что я Коновалову чем-то угрожаю? – Вроде как возмутился Игорь, но на лице у него это никак не отразилось.

– Я видел, как ты за ним следишь на своем «пежо». Где он там и ты.

Кажется Игорь напрягся, но внешне сохранял спокойствие, не подавая виду, что слова Семёнова его насторожили:

– А ты, Саша, не забыл для чего нужны вергины? Я тебе напомню: без нас ничего у вас не получится, если мы не убьем Ненармунь, твоя Люда так и остальные останутся ходячими трупами. Лучше подумай, кто может быть птицей.

– Откуда я знаю. Может Пиков?

– Да вряд ли, этот клоун может ей быть.– От досады при упоминании фамилии Пикова Игорь Кобяков даже поморщился

– Ты что-то так предубежден против него.

– Он много воображает из себя: великий писатель, художник а.. – Игорь махнул рукой, будто показывая насколько презренная личность Пикова. Семёнов доел мясо с картошкой, вытер бумажной салфеткой губы и также как Кобяков откинулся на спинку стула, теперь уже более вальяжно. Без опаски и напряжения посоветовал Кобякову:

– А ты спроси у дяди, кто это может быть, он наверняка знает все такие секреты. Нам то, простым, это знать необязательно, главное, чтобы Ненармунь прилетела.

– Не рассказывает он ничего. – Грустно вздохнул Игорь – Говорит, что для меня это опасно. Ладно, пойду, спасибо за кофе.

Игорь поднялся и-за стола и неровной походкой двинулся к выходу. Семёнов смотрел ему вслед и думал: «Что за чушь, он несет? С какой стати вергизы нам должны помогать и как это он себе представляет». Игорь Кобяков поэту не нравился, да он вообще никому не нравился, его чуждались как в Союзе, так и в Обществе. Он все время вел какие-то свои расследования, подозревал кого-то. Теперь вот Коновалов под подозрение попал. И какие-то у Игоря были странные теории по поводу всего. Семёнов расплатился за

обед и отправился в редакцию.

* * *

Майор полиции Анзор Витальевич Щербаков снял китель и аккуратно повесил его на вешалку в шкафчик. Он посмотрел в зеркало и маленькой расческой зачесал редкие волосы назад, на лбу его пухлого лица появились складки. Анзор Витальевич сел за свой рабочий стол, закатал рукав на правой руке, достал тонометр и надел манжету на руку. Он измерил давление, оно было чуть чуть повышенное, а одновременно прицепленный к пальцу пульсометр показывал частоту сердечных сокращений в районе 77, сатурацию 90%.

Щербаков сложил измерительные приборы в ящик стола, опустил и застегнул рукав рубашки и задумался. Было девять часов утра. Анзор Витальевич отправил в рот таблетку бисопролола, запил водой из маленькой бутылочки, которая стояла у него всегда на столе. Все эти процедуры он выполнял каждый день уже в течение двух лет. Уровень сахара он мерил дома. Сегодня он, как и давление, был повышенный, что Анзора Витальевича немного беспокоило.

Три года назад у него был инфаркт, потом он перенес серьезную операцию на сердце, у него выявили диабет и серьезное заболевание почек. Кроме того стопы его покрыла экзема, периодически становящаяся мокрой, появились проблемы со зрением и слухом. Странное раннее затухание (Ан-

зор Витальевичу было 40 лет) обрушилось на него внезапно и неожиданно. Он стал быстро толстеть, появилась одышка и сопение. Ему пришлось уйти с оперативной работы, на его прежнюю должность взяли молодую и красивую Квятко, а он отправился возглавлять отдел по мониторингу за религиозных организаций. В нем он был начальник и единственный сотрудник. Но зато у него есть свой кабинет.

Время тикало быстро теперь для Анзора Щербакова, он мучительно это понимал и пытался найти выход. Медицина ничего не гарантировала, и окочурится можно было каждую минуту. Дела службы помогли ему найти выход и дали надежду на вечную жизнь. Однажды проверяя разные организации на предмет выявления в их структуре религиозного элемента и экстремизма, он наткнулся на уставные документы Союза спасения. Его заинтересовал этот клуб по интересам и так он познакомился с Бобковым. Тот был действительно увлечен всем, что касалось мифа о Ненармуни, но воспринимал это как сказку, возможность приобщиться к наследию предков.

Еще одна встреча, которая произвела переворот в мировоззрении Щербакова и привела его к истинной уверенности в то, что древний миф работает и сегодня, с Алексеем Кобяковым, неофициальным главой рода Кобяковых последних из племени вергизов. Тот рассказал, что именно птица утопила его сына Владимира, когда тот попытался охотиться на нее. И он это видел лично. Это было свидетельство очевид-

ца, которому Анзор Витальевич поверил. Кобяков рассказал ему о том, что Ненармунь периодически появляется в районе Святого озера, чтобы взять с собой тех, кто будет готов к этому. Она опускалась на дно, касалась телами людей-проводников первоматерии и уже выныривала с обновленными людьми, которые могли жить дальше, как новые люди. Однако окончательно он убедился в том, что древний миф живет и действует в настоящее время, стало то, что он сам лично видел Ненармунь на озере во всем ее огромном великолепии.

За дверью кабинета в коридоре он услышал голоса. Узнал Квятко, что-то она говорила Комову. Щербаков вышел из кабинета, поздоровался с Юлией Борисовной и Комовым, обратил внимание, что они пришли с Коноваловым. Хотел дальше пойти, как ни в чем не бывало, по коридору к кулеру, набрать стаканчик воды, но Квятко его окликнула:

– Анзор Витальевич, можно вас на несколько слов?

Она взяла его под локоток и зашла с ним в его кабинет. Щербаков сел на свое место, Юлия Борисовна осталась стоять около двери, сложив руки на груди.

– Анзор Витальевич, вы это всерьез? – спросила она.

– Вы о чем? – Не понял он.

– Я так поняла, что вы один из основателей этого Союза, вы в это всерьез верите?

– Здесь вопрос не в вере, Юлия Борисовна. Нас просто оставили.

– Кто? – Недоумевала следователь, искренне не понимая заблуждений майора

– Бог. Он оставил нас. И мы обратились к наследию наших предков, мы ведь не бессмертия хотим, мы просто хотим жить здесь и сейчас, мы не хотим иного бытия, которого не знаем, а только этого, как там говорится: «Жить на Полях покоя». Птица не дает бессмертия, она просто погружает нас в первооснову и обновляет наши тела, мы будем жить дальше.

– Анзор Витальевич, вам пребывание в отделе по мониторингу религиозных организаций по-моему во вред пошла, не находите?

Скепсис Квятко не трогал коренных душевных установок Щербакова, он знал, что прав и поэтому дальнейший разговор с Квятко считал бессмысленным, он сухо спросил ее:

– Что вы намерены предпринять, Юлия Борисовна?

– Маньяка ловить. – Квятко криво усмехнулась. – Мне странно объяснять это вам, полицейскому, да еще и бывшему оперу. Какой-то преступник с больной психикой убивает девушек, да еще потом крадет их трупы, чтобы добиться каких-то своих целей, а вы на это ведётесь.

Щербаков угрюмо промолчал. Квятко вышла из его кабинета, но дверью не хлопнула, показывая этим, что она держит себя в руках и совершенно спокойна. Она застала в своем кабинете одного Комова, который чистил свой пистолет Ярыгина. Коновалов в кабинете не было.

– А где Коновалов? – Обеспокоено спросила Квятко.

– В туалет пошел. Но суть не в этом. Я нашел предполагаемое место, где может скрываться Космолётов.

– И где?

– У него дача в Наталке, это километров 25 от Гиенова, я думаю, он мог там скрыться. И вот еще что я снова нашел на берегу озера.

Од достал из кармана пиджака маленький пластиковый пакетик, в нем была пуговица от рубашки. Пакетик Степан передал следователю, она внимательно посмотрела на пуговицу.

– Вторая? – Спросила она.

– Ага. Одна в одну. – Кивнул Комов, губы его расплылись в улыбке.

На лице Квятко ничего не отразилось, она молча спрятала пуговицу в нагрудный карман. Вошел Коновалов, вытирая руки салфеткой, которую он бросил в мусорное ведро. Юлия Борисовна механически проследила за его действиями, их взгляды пересеклись, в глазах Петра она ничего не увидела.

– Что ж, едем в Наталку. – Решила Квятко.

Деревня Наталка располагалась на юге от города. В былое время считалась центром богатого колхоза, потом все пришло в запустение и горожане стали здесь скупать земли и строить дачи, так появился уютный уголок для отдыха. Дорога на Наталку все время проходила через густой еловый лес и Коновалов с Комовым и Квятко спокойно еха-

ли по ней на полицейском «уазике» вглядываясь в густоту леса, хотя Комову было не до этого, так как он был за рулем и смотрел вперед.

– У меня в Наталке бабушка живет. – Вдруг оживился Коновалов, наверное, вспомнив детство.

– Я с участковым договорился, он нас будет ждать и покажет, где дача Космолётова. – Пробубнил Степан.

Юлия Борисовна будто не слышала обоих. Она о чем-то думал, взгляд ее был отрешен, только изредка внимательно поглядывала в боковое зеркало.

– Опять это «пежо». – Ровным голосом сказала она.

Коновалов обернулся, посмотрел в заднее, маленькое окошко там отражалась красная машина. Она не спешила обгонять их, ехала на расстоянии метров двухсот. Кто находится внутри машины, Петр разглядеть не мог.

– Я тут знаю один поворот на Наталку, через лес есть грунтовая дорога.

Он сообщил эту информацию вслух, не обращаясь ни к кому, и некоторое время наслаждался общим молчанием и урчанием двигателя.

– Где? – Наконец спросила Квятко.

– Я скажу. – Пообещал Коновалов.

Он внимательно смотрел по правую сторону отмечая про себя приметы, по котором понимал, что поворот уже рядом. Главная из них сломанная молодая ель, а за ней буквально пару десятков метров поворот и он его увидел.

– Вот! Сворачивай! – Завопил он.

Действительно вскоре открылся съезд с шоссе и грунтовка вглубь леса. Комов довольно резко повернул направо и они благополучно поехали по грунтовым кочкам и ямам.

– И что это нам даст? – Вопросил он, еще не понимая замысла Коновалова.

– Устроим засаду. – Догадалась Квятко.

Коновалов все время смотрел в заднее окошко, но пока «пежо» было не видно.

– Тут спрячемся.

Указал он на полянку, открывшуюся рядом с перекрестком. Здесь росли кусты боярышника, и они скрывали того, кто оказывался на полянке. Комов сюда и свернул, он заглушил мотор, и они затаились. Вскоре появился преследователь, старательно объезжавший ямы на дороге, но это у него плохо получалось, так как ям было слишком много. «Пежо» приближался к кустам, Комов достал из кобуры ПЯ и из-за двери «уазика» прицелился.

– В переднее колесо стреляй. – Под руку Степану шёпотом сказал Коновалов.

Полицейский обернулся, с яростью посмотрел на Петра, неловко шевельнулся и нажал на спусковой крючок. Тотчас послышался пронзительный свист воздуха из спускающейся камеры колеса. Комов попал именно в переднее колесо, машина встала, дверь открылась, водитель попытался вылезти, но Степан, выскочив из-за кустов быстро заломал ему руки и

надел наручники, опустив водителя лицом на капот. Теперь уже все вышли на дорогу и рассмотрели злоумышленника.

– И оракулом не надо было быть, чтобы понять, кто нас преследует. – Изрекла Квятко

– Я вас не преследовал, ехал по своим делам, мне в Наталку надо было. – Парировал Игорь Кобяков, а это был именно он.

– Наверное к Космолётову ехал? – Предположил Комов.

– Обыщи его. – Приказала Квятко

Степан тщательно ощупал Игоря, поднял сзади куртку, за ремень брюк был заложен «глок». Он вынул его, повертел в руках, оценивая пистолет.

– О, да у нас тут сюрприз! – С радостью сообщил Комов.

– Вот это поворот. Разрешение на оружие есть? – Усмехнулась Юлия Борисовна, предполагая отрицательный ответ.

– Я бабушку ехал проведать. – Нелепо оправдался Кобяков.

– Тоже бабушку. Ах да, у вас бабушка то с Петром одна. Ну что ж не получится проведать бабушку, задерживаю я вас гражданин Кобяков за незаконное хранение оружия.

Такое решение приняла Квятко, но сразу возник вопрос, как отправить Игоря в Управление и свое предложение внес Коновалов:

– Вообще тут до Наталки недалеко осталось, можно пешком дойти. Может Степан отвезет Игоря, а мы дойдем, а он потом приедет к нам? – В его коротком спиче было много во-

просительных ноток и нерешительности, но Юлия положительно оценила это предложение и согласилась с ним. Комов молча отвел Кобякова в машину и усадил на правое сиденье, потом сам сел в уазик ловко развернулся и автомобиль запрыгал по кочкам в обратном к Гиенову направлении.

Коновалов и Юля некоторое время смотрели, как пылит по грунтовке полицейская машина, будто стараясь запечатлеть момент в памяти. Потом они пошли по дороге в сторону Наталки. Вскоре лес закончился, и открылось поле. Стояла рожь, колосилась волнами под голубым небом. Грунтовая дорога пролегла змейкой вдоль поля к посадкам, а вдали на продолговатом холме располагалось село Наталка. Маленькие домики виднелись то там, то тут, а между ними обильно росла зелень. Пейзаж дополняло яркое солнце в зените. Слышно было щебетание жаворонков, хотя самих их и не было видно.

Юлия и Петр шли молча, приближались посадки, в них видны были березы. Квятко знала адрес дачи Космолётова – Садовая, 8. Она спросила у Петра:

– Ты знаешь, где в деревне Садовая улица?

– Это почти на окраине. – Коновалов подумал и предложил. – Может тогда к бабушке сначала, не денется куда Космолётов, если он действительно прячется на своей даче.

Квятко согласилась. Она была несколько рассеяна, потому что вспомнила про пуговицы. Чего ей пришла эта мысль в голову, она не могла понять. Но ей подумалось о том, что где-

то она эти пуговицы уже видела. Однако они вышли уже на окраины Наталки, отсюда четко видны были стройные улицы с домами и высокие липы в центре села.

– Там бывший барский парк. – Указывая на них, пояснил Коновалов, хотя Квятко его ни о чем и не спрашивала. Деревня Наталка оказалась на удивление процветающим поселком: добротные дома, как один с новыми железными крышами, ровными, красивыми заборами и аккуратными хозяйственными постройками. Но все так было по ее окраинам, в центре же, где расположился обширный и заросший бывший барский парк, который занимал довольно значительную часть деревни, располагался только полуразрушенный барский дом и старые конюшни, в которых когда-то были устроены квартиры для бывших работников колхоза. Теперь эти работники состарились и доживали свой век на пенсии в этих квартирах. Одну из них и занимала бабушка Петра Мария Георгиевна.

Перед квартирой баб Маши был небольшой палисадничек, огороженный забором от других участков и от улицы. В палисадничке росли две яблони, и был небольшой огородик, а также недостроенная баня. К двери в квартиру вела дорожка с обеих сторон закрытая частоколом, отделяя ее и от соседей, и от палисадника. Квартира баб Маши состояла из кухни с русской печью зала и двух небольших спаленок, которые находились в самой глубине квартиры и не имели окон.

Мария Георгиевна заметила Петра и Юлию из окна кухни, еще, когда они только подходили к калитке. Здесь у кухонного окна у нее был удобный наблюдательный пункт, так как двор был виден отсюда полностью. Коновалов представил Юлию Борисовну бабушке. Мария Георгиевна, крупная, круглая женщина с гладким лицом и коричневой кожей внимательно посмотрела на Квятко и предложила «повечерять». Она пригласила их в зал, где для того чтобы было светло надо и днем и ночью включать свет, и здесь усадила за круглый стол, а сама ушла приготовить еду. Юлия Борисовна огляделась: зал был прямоугольным в плане, в одну из стен вделан шкаф, в углу стояло трюмо, рядом с ним сервант, сбоку от стола старенький телевизор, а прямо у стены за ее спиной диван. В комнате, по сравнению с улицей, было значительно прохладней.

– Да, вот тут и ходил дедушка с мухобойкой. – Ни с того ни с сего сказал Петр, видно впавший в какие-то свои сокровенные воспоминания, глаза при этом у него были умильные и радостные.

– Что? – Не поняла Юлия

– Деда вспомнил. Я когда с родителями летом приезжал сюда, дед обычно целый день на диване этом лежал и телек смотрел, только время от времени вставал, брал мухобойку и мух бил. – Пояснил Коновалов

Пришла баб Маша, принесла жареных карасей прямо на сковородке.

– Из нашего пруда. – Объяснила она.

– Вкусно. – Похвалила стрепню баб Маши Квятко.

– У вас, Петь, с Юлей отношения? – Полюбопытствовала бабушка.

– Это моя невеста. – Неожиданно ответил Коновалов, чем привел в некоторое замешательство Юлию Борисовну, которая, впрочем, не стала возражать, ибо это выглядело глупо. Баб Маша принесла чай. Расставила красивые чашки и налила горячую, зеленую жидкость в них.

– А ты, Петь, так просто приехал, или дело какое? – Спросила баб Маша.

– Это меня Юля привезла. Мы человека одного ищем, Космолётова, у него дача на Садовой.

– Ну это за парком. Там городские селятся, я никого не знаю из них. Не была там даже ни разу. Так что не помогу ничем.

Она принялась убирать со стола и о чем-то задумалась, периодически замирая с вилкой или кружкой в руке.

– А помнишь, Петь, как ты птицу ждал? – Вдруг спросила она, и лицо ее озарилось счастливой улыбкой.

– Птицу? – Удивилась Юлия, а Коновалов от смущения покраснел.

– Ну да. Ненармунь. Он тогда сказку эту прочитал про нее в книжке и решил, что она обязательно прилетит на наш пруд. Сколько тебе лет-то было? Наверное, около десяти годов.

Квятко предложила пойти найти дачу Космолётова. Они поблагодарили баб Машу за обед и отправились к Садовой. Деревня Наталка когда-то была центром крупного колхоза основная специализация которого была свиноводство. На окраине деревни было построено четыре огромные свинофермы, в которых размещались сотни голов свиней. Со временем колхоз пришел в запустение, фермы разрушились и заросли сорняком, а люди, работающие на них, или умерли или вышли на пенсию, как баб Маша. Колхоз с его фермами и постройками для жительства людей компактно располагался вокруг бывшей барской усадьбы и парка, а после его исчезновения та территория, которая находилась за парком и прудом, немного на возвышенности, была отдана горожанам под дачи.

Они быстро нашли дом Космолётова – небольшое деревянное строение с обширной верандой. Вокруг дома росли вишневые деревья, и сам дом выглядел необитаемым.

– Будем заходить? – Спросил Коновалов.

– Неа, Комова дождемся. Думаю, никуда не денется твой работодатель. Ты меня на пруд лучше своди.

Петра почему-то не удивила такая просьба. Всегда, когда он приезжал в Наталку или жил здесь какое-то время, любимым местом для него был пруд. Он подолгу сидел на берегу, под ивой, смотрел на водную гладь и ни о чем не думал. Пытаясь достичь того состояния когда мозга у него не будет, т. е. состояния смерти. Ну, или иначе, просто наслаждался

покоем.

В Наталке асфальтированных дорог было только две: одна шла через всю деревню, а другая вдоль дач. Та, что шла через деревню была изрядно разбита с многочисленными ямами, но еще вполне проезжая, а та, что шла к дачам имела вид современный и ухоженный. Коновалов повел свою подругу следователя по деревенской дороге, а так как Наталка была небольшой деревней, вскоре они уже были в самом ее центре на дамбе, которая была одновременно запрудой на пути небольшой речушки Грязнуша, она и образовывала большой пруд, вытянувшийся вдоль всей старой части деревни. Пруд и река разделяли деревню на две части, а соединялись они навесным мостом. По берегу пруда росли старые ивы, за ними над водоемом нависали старые тополя из барского парка. Над парком кружили стаи воронов, они то взмывали в небо, то скрывались в ветвях тополей. Коновалов и Квятко долго стояли на дамбе и смотрели на пруд, вода в нем была прозрачной и солнечные блики отражались от нее. Молчание нарушила Юлия:

– Ты зачем меня невестой назвал?

– Не знаю. Мне так захотелось. Ты расстроена?

Квятко неопределенно пожала плечами, Петр, чтобы направить ее мысль в другую сторону, предложил:

– А пойдем, я тебе покажу мое любимое место здесь.

Они спустились с дамбы и пошли вдоль пруда. Берега у него были пологие и небольшие волны наплывали на них.

В одном месте берег прорезала протока, она сильно обмелела и была засыпана старыми ветками с тополей, которые тут росли. Наконец они достигли той желанной цели, к которой хотел привести Юлию Коновалов. Это была старая огромная ветла, росшая прямо на берегу пруда, сразу за висячим мостом. Её корни уходили в воду, а мощный ствол разветвлялся, и одна большая ветка простиралась прямо над водой. Поверхность ветки была так отполирована, что было понятно, что детвора здесь проводит многие часы. Странно, но берег в этом месте был густо усыпан желтой листвой, хотя еще только август. А прямо по кромке берега густо росла лебеда. В одном месте разложено кострище. На листья обратила внимание Квятко, она тщательно разгребала листву носком туфли.

– Да, это такая особенность: здесь в любое время года, даже зимой, листья желтые лежат. – Заметил Коновалов.

Они уселись на берегу и смотрели на водную гладь.

– Мы когда маленькие были, на этой ветке любили сидеть. – Коновалов показал на полированный ствол.

– А что тебя сюда сейчас привело? – Спросила Квятко и кинула маленький камушек в воду, концентрические круги разошлись от места, где он упал, и тут же исчезли.

– Воспоминания.

Она кивнула головой понимающе, хотя, наверное, думала о чем-то другом.

– А ты, правда, видел птицу? – Спросила она.

– Ага, в детстве. Здесь вот и видел.

– Красивая, наверное?

– Да, очень. На лебедя похожа, только очень большая.

Они помолчали. Солнце уже начало свой бег на запад. Тени удлинились, с юга повеяло теплым ветром.

– Что ты хотел от нее, бессмертия? – Ровно дыша, спросила Юлия

– Нет. Я думаю, оно и людям не нужно, даже то, которое обещал им Христос.

– Почему?

– Потому что люди злы.

– Почему ты так думаешь?

– Я не думаю, я знаю.

– Тогда зачем ты их спасаешь?

Коновалов посмотрел на неё в глазах его вспыхнуло что-то хищное.

– Я?

Она молча вынула из кармана пакетики с пуговицами и, кивнув на его рубашку сказала:

– Это твои. Комов нашел их на месте преступления. Ты птица Ин Ненармунь. Или тот, кто себя за нее выдает.

Коновалов встал, отряхнул брюки от земли и листьев. Он криво усмехнулся.

– Смелое предположение.

Он подал руку Юлии, она взялась за нее и тоже встала. Они стояли напротив почти вплотную и глядели в глаза друг

другу, будто пытаюсь утонуть каждый в другом.

– Уж если бы я был Ненармуню, я бы ни одного не спас. Посмотри сколько их здесь, – Коновалов указал на листву под ногами. – Есть ли смысл спасать листву?

– Но ты-то тогда чего ждал от птицы?

– Я ждал счастья. Потому что птица приносит счастье. А оно ничего общего не имеет с бессмертием.

Юлия промолчала, и они отправились к бабушкиному бару. Наступали сумерки. Близилось тёмное время суток. Они шли через барский парк. Аллеи огромных тополей грохотали по строгим линиям аллей, ведущим к разрушенной усадьбе. Черные ветки как паутина отпечатались в хмуром небе. Шелестели листья, волнуемые тихим ветром.

На квартиру они уже пришли в темноте. Кое-где загорелись одинокие фонари. Баб Маша их ждала с ужином. Они молча поужинали и отправились в комнату, где баб Маша им уже застелила широкую постель с пышными, огромными подушками. Собственно в этой комнате и была только эта кровать, угол шкафа, выпиравший из стены и тумбочка, стоявшая в углу, а на ней тускло горел светильник. Они присели на кровать.

– Понимаешь, Юль, человеческое бессмертие в его сознании. Оно как вот эта лампочка зажигается почему-то и горит, а потом гаснет. Но оно не исчезает, потому что один раз почему-то вспыхнув, уже никогда не может погаснуть. Просто не может это все, что в человеке и сам человек исчезнуть. А

эти, там в городе, ищут телесной вечной жизни, обновление тела, а не могут понять, что Ин Ненармунь она не про это, она счастье приносит. Если человек им обладает, то ему уже ничего не страшно, и он никогда не погаснет.

Они разделись, Юля не изменила своему правилу, чтобы тело дышало, но на этот раз сняла и последнюю часть своей одежды. Они легли на кровать и повернулись друг к другу лицом. В полумраке он видел смутно ее губы и полуприкрытые глаза. Она погладила Петра по голове и припала к его губам. Потом они крепко прижались друг к другу, и когда он вошел в нее, Юле показалось, что она увидела, как над спиной Петра расправились большие, белые крылья, которые выглядели в темноте сероватыми и касались кончиками своего оперения потолка. А потом они уснули и вошли в один общий сон.

Оба сидели на деревянной пристани которая была устроена для лодок и рыбаков на берегу озера. Рыбаки и желающие рыбалки здесь сидели обычно с удочкой, задумчиво опустив ноги в воду. Но теперь на их месте были Петр и Юлия, оба одеты в длинные, белые рубахи. У Юли распущенные иссиня-черные волосы красивыми волнами спускаются по плечам почти к самой пояснице. Они смотрят друг на друга с любовью и не могут оторваться. Им не хотелось говорить. Подошел старый священник и сел рядом с Коноваловым.

– А что если ты, Петр, фантазия у кого-то в голове? – Спросил он.

Коновалов задумался, он сам об этом думал не раз, всегда пребывая во мнении, что всё лишь порождения человеческого мозга, а значит и сам он, возможно, такое же порождение, но священнику ответил:

– Вы намекаете на Бога?

Священник грустно усмехнулся и бросил в озеро камень: он, не долетая до поверхности со звуком хлопущки лопнул, и над озером рассыпалось тысяча листьев.

– Здесь всё из листьев: берег, дно. Их даже невозможно сосчитать, они наполняют всю вселенную, все, что здесь есть. Так что не стоит их возвращать на деревья.

Коновалову показалось, что священник лукавил, как и всегда на протяжении всех более чем двух тысяч лет. Или это только казалось? Он чувствовал силу, которая поселилась в нем. Он чувствовал, что она пробуждается. Та сила, которая заставляет всё жить и всё быть мертвым.

– У человека есть свободная воля. Он волен выбирать между добром и злом. Если он выбирает зло, то становится злым духом свирепым и безжалостным. – Продолжал уговаривать священник.

Но Петр уже не слушал – им овладела древняя мощь одухотворенной материи, он встал и почувствовал, как из его спины растет два огромных крыла, которые тотчас покрыли своей тенью всю пристань вместе с ее обитателями. Взмахнув ими, он вознесся вверх, превратившись в птицу Ин Ненармунь. Она поднималась все выше и выше, пока не

превратилась в маленькую точку и не исчезла из вида.

Проводив ее взглядом, священник посмотрел на Квятко и сказал:

– Ты ему поможешь.

Скорее это был приказ, чем просьба. Юлия посмотрела в бесконечно голубое небо, не было ни одной тучки, и она проснулась. Коновалова рядом с ней не было. Она включила лампу, оделась, вышла в общую комнату: на диване мирно спала баб Маша. Юлия вышла на улицу. Ночь была тиха. Луна стояла над лесом. Стрекотали протяжно сверчки, то затихая, то вновь заводя свою песнь. Квятко шла по темной улице, местами освященной тусклыми фонарями к дому Космолётова, он был виден уже от барака ярко освященный.

Когда она подошла к дому, то заметила черный фургон, который стоял в густой ночной тени берез недалеко от дома. Юлия Борисовна вынула пистолет из кобуры и осторожно зашла в дом. Она сразу попала в зал, так был устроен дом – от входа на улицу сразу основная часть, без прихожей. Свет был включен, но в комнате никого не было. Обстановка простая: у стены диван, у другой стены сервант с посудой, пару стульев у окна. Ближе к дальнему углу зала вход еще в одну комнату, оттуда также лился неяркий свет. С левой стороны от Квятко вход на кухню, она заглянула туда осторожно, там также никого не было, тогда она осторожно направилась ко входу в другую комнату. Здесь в ряд стояло четыре кровати, на них лежали девушки, прикрытые фланелевыми одеялами.

Юлия вспомнила их имена в порядке смерти: Люся, Люда, Нина, Клава. Они ни казались мертвыми. На внешний взгляд спали. Одеяло было натянуто до груди, у каждой от плеча до плеча имелась еще не зажившая рана. Свет падал на их умиротворенные лица. Квятко показалось, что когда она вошла, они почувствовали ее присутствие и шевельнулись, а сама Юлия ощутила холодную сталь ствола пистолета на затылке и резкий приказ:

– Не шевелитесь, пистолет бросьте прямо перед собой и отойдите в сторону.

Квятко не сопротивлялась, она не видела в этом смысла, все равно Космолётов не сможет уйти от ответственности. Он покопался в кармане и достал наручники, велел Юлии пристегнуться к батарее. Она исполнила его приказ. В этот момент, как по команде, одновременно с кроватей поднялись девушки и почти синхронно стали одеваться в одинаковые, белые, длинные рубахи. И у каждой от плеча до плеча на рубашке, как особая отметка, красная полоса от проступившей сквозь материю крови из незаживших еще ран. Девушки выполняли движения почти автоматически, подчиняясь, так казалось, чьим-то приказам.

– Вот, Юлия Борисовна, все живы. – С некоторой легкостью в голосе сказал Космолётов и пистолетом показал на ожившие трупы. – И нет состава преступления. – Подытожил он свою мысль.

Тем временем сотрудницы редакции оделись и как солда-

ты стояли около своих кроватей, ожидая дальнейших указаний.

– И что, они всегда так будут жить, как во сне? – Слегка с иронией спросила Квятко.

– Церемонию или мистерию сегодня закончим, и все будет нормально. И никакого русского космизма! Все естественно – вера предков и наши усилия дают самый лучший результат. – С каким-то наигранным энтузиазмом провозгласил Космолётов.

Он заткнул пистолет за ремень брюк, прикрыв его лапами пиджака, и направился к выходу из дома. Девушки синхронно повернулись и пошли следом за ним, шлепая босыми ногами по деревянному полу. Юлия, присев рядом с батареей и пытаясь поудобнее пристроить затекшую в наручниках руку, слышала, как на улице хлопнула дверца фургона, взревел двигатель и автомобиль отправился в свой путь, отчаянно сопротивляясь трению.

* * *

Комов не довез Игоря Кобякова до города. За три километра от Гиенова они попали в аварию: Степан долго ехал за мусоровозом, не решаясь его обогнать, а когда решил и выехал на встречку, столкнулся с «газелью». Полицейский уазик крутануло три раза, и он завалился в кювет. Игорь на какое-то время потерял сознание, когда очнулся, с удивле-

нием обнаружил, что на нем ни царапины. А вот Комову повезло меньше – он сидел на своем месте с разбитой головой, кровь залила ему глаза. Игорь вытащил ключик от наручников из кармана пиджака Комова, снял их со своих рук и, прихватив комовский пистолет, прихрамывая, спустился в посадки. Игорю понадобилось около полутора часов, чтобы добраться до города. Он не хотел привлекать к себе лишнего внимания, да и был уверен в своих силах. Это была его особенность – Игорь всегда уверен в себе. Он из третьего поколения вергизов Кобяковых, последних хранителей традиций, ответственных за Хаос, стоящих на страже мира. В семье Кобяковых старший был дядя Алексей, его дети погибли. По уверению дяди их убила Ненармунь, ставшая его двоюродным братом Петром Коноваловым. Средняя сестра Вера – мать Петра Коновалова и младшая сестра Любовь, его мать и он был рожден Бобковым. Но когда подрос, и настала пора получить паспорт, он настоял на том, чтобы его вписали как Кобякова, надеясь на то, что это продлит мужскую линию Кобяковых. Если его старший дядя просто хранил традиции вергизов, мама их изучала из чистого любопытства, то он искренне верил в предназначение Кобяковых и свою миссию спасителя мира от Хаоса.

Еще в детстве он понял, что дух птицы Ненармунь вселился в его старшего двоюродного брата и был уверен, что перевоплотившись в нее, он утопил Володю и Настю Кобякову. Ведь Володя был последним в роду по мужской линии.

Он пересек по мосту небольшую речушку Гиенку. Отсюда уже были видны пыльные небоскребы Нового Гиенова и на холме старые домишки и остов церкви Старого Гиенова. Солнце уже прошло зенит, стремилось к закату. Еще несколько часов и наступит тёмное время суток. Именно сегодня ожидали окончания мистерии начавшейся со смерти Нины и члены Союза спасения должны были собраться в штаб-квартире, только те, кто участвовал в этом важном событии.

Приближаясь к дому культуры Игорь столкнулся с Щербаковым. Тот стоял у входа в полицейское Управление и задумчиво разглядывал липы, росшие на противоположной стороне улицы. Он окликнул Кобякова, Игорь остановился.

– Игорек, пойдем вместе. Ты же на собрание?

– Да. А вас кто пригласил?

– Семёнов. Он согласился принять меня. А тебя кто?

– Никто. Я просто к маме.

Щербаков усмехнулся, в его взгляде было лукавство и чувство превосходства.

– Мама? – Притворно удивился он. – Разве мама проводник?

Вопрос Игорь пропустил мимо ушей, они уже зашли в ДК и молча поднимались на второй этаж в кабинет Бобкова. На вошедших почти не обратили внимания. Здесь уже были все в сборе: сам Бобков, его жена, Семёнов, Дракон-Драконов и неожиданно Пиков. Все они сидели за столом совещаний,

приготовившись слушать своего председателя. Щербаков с Игорем пристроились на стульях стоящих около стены.

– Что ж считаю наше собрание открытым, кто будет вести протокол? – Бобков обвел всех взглядом, остановился на своей жене и предложил – Любовь Петровна возьмите на себя эту заботу.

Бобкова-Кобякова принялась тщательно записывать все что говорили. А тот, обращаясь ко всем, продолжил.

– Итак, сегодня новолуние, или тот момент, который наши предки называли Темным полднем. И по всем признакам именно сегодня Ин Ненармунь закончит мистерию. Об этом свидетельствуют две жертвы-проводника

– Три. – Поправил председателя Дракон-Драконов

– Да, прошу прощения, три. – Бобков строго посмотрел на Бориса Петровича. – А также в наличии келе. Избранников проводников мы знаем, осталось спросить у них, кого они берут в сопровождающие. Вы Семёнов с кем пойдете?

Поэт, погруженный в свои мысли, от неожиданности вздрогнул и не сразу понял, что вопрос обращен к нему, несколько замешкался, смутно вспоминая, о чем речь. Руку с места, робко поднял Анзор Витальевич.

– Позвольте напомнить, у Семёнова сопровождающий я.

– Да, да. И еще Пиков. – Торопливо подтвердил поэт, кивнув в сторону сидящего рядом с ним художника.

– Хорошо. А мы, значит, с Любовью Петровной зацепимся за Людочку, я с ней до превращения говорил, она полностью

заверила меня в своей преданности нам обоим. Космолётов, полетит, что называется, со своей любимой Ниночкой. – При этих словах Бобков глупо хихикнул, посчитав это удачной шуткой, потом продолжил. – Он в Наталке сейчас все готовит и, главное, обезвредит эту нашу дорогую следовательницу, которая нам так помогла, охраняя драгоценную птицу от некоторых горячих голов.

Он укоризненно посмотрел на Игоря Кобякова, тот за чем-то встал со своего места, вид у него был как у провинившегося школьника.

– Кстати, о смежниках. – Председатель обратился к нему. – Игорь, вы все помните? Процедура с носителем должна быть совершена только того, когда дух птицы покинет нашего носителя.

– Да, я все понимаю и сделаю как надо.

– Вас не смущает, что это ваш брат?

– Нет. – В ответе Игоря чувствовалось ожесточение.

– Ладно, хорошо. Эх, недоделанный вы наш, жаль род Кобяковых кончается, что будут делать наши потомки, ума не приложу. Может иные вергицы еще где заваялись?

Это был не вопрос, а скорее ирония и Бобков при этом не обратил внимания на недовольное лицо своей жены, которая тоже была Кобяковой и приняла реплику за упрек.

– Умирать будут наши потомки. – Недовольно буркнул присаживаясь Игорь и как не тихо он это сказал Бобков услышал и не оставил это высказывания без своего замеча-

ния.

– Никто умирать не будет! Это цель нашего Союза и мы ее, так или иначе, добьемся. Будем изучать тщательней наше прошлое, наследие, которое нам оставили предки и выход найдем.

Председатель поднялся со своего места, все последовали его примеру. Он сказал напутствие, посмотрев на часы:

– До заката осталось три часа. Все знают, что делать. Что ж, господа, с Богом!

И они все отправились в путь. В свою вечность.

* * *

Степан Комов очнулся через несколько минут после того, как место аварии покинул Кобяков. Болела голова и левый бок, видимо было сломано ребро. Кровь еще немного текла из рассеченной брови. Он с трудом поднялся, ощупал себя: пистолета в кобуре не было, ключей от наручников тоже. «Вот гад!» – подумал Степан и решил, что надо добраться до Наталки, чтобы сообщить о происшествии Квятко и получить ее распоряжения.

Полицейский вышел на дорогу и стал тормозить проезжавших, но автомобилисты, видя Степана окровавленного давали газу и проезжали мимо. Комову стало плохо, закружилась голова, он упал и скатился в кювет. Очнулся, когда уже смеркалось, и он увидел над собой как будто знакомое лицо.

– Очнулся? Встать можешь? – Спросил незнакомец.

– Кобяков? – Узнал дядю Лёшу полицейский.

Тот подал ему руку, помог подняться и повел его к своему синему «фольксвагену». Там перевязал ему голову. Степан кратко рассказал об аварии и бегстве Игоря.

– Он может, бедовая голова, как что ему втемяшится в голову, топором не выбьешь.

– И что ему втемяшилось теперь?

– Он решил что Петя – это Ненармунь.

У Комова болела голова и бок. Он был теперь в раздумье: вернуться в Гиенов и искать Игоря или же отправиться в Наталку, чтобы помочь Квятко.

– А ты чего на ночь глядя в Наталку едешь? – Поинтересовался он у Кобякова.

– У меня там дача. На рыбалку завтра хочу сходить на пруд, утром.

– А ты меня до дачи Космолётова довезешь?

Кобяков был не против. Они поехали. Мелькали деревья в окошке. Дядя Лёша жал газу. У Степана болела голова, но он крепился.

– Может сотрясение? – Предположил он.

– Тебе в больничку надо. – Согласился Кобяков.

Комов смотрел в окошко автомобиля, но вскоре ему надоело беспрестанное мелькание стволов деревьев.

– А они, правда, воскреснут? – Спросил он.

– Кто? Христиане?

– Нет, спасители.

– Они не воскресают. – Дядя Лёша даже хохотнул. – Это совсем другое. Они обновятся. Клетки все станут новые и они как бы будут опять молодыми

Комову показалось, что он понял эту мысль, а Кобяков между тем обдумал другую идею. И высказал ее:

– Это сколь же им ждать потом.

– Кому? – Не понял Комов.

– Христианам. Умрут, потом лежать, гнить, ждать воскресения.

– Так времени не будет для них. И потом, никто не знает, когда он будет, конец света, может сейчас.

– Да все известно: когда солнце погаснет, тогда и будет. В Откровении же так написано. А когда оно еще погаснет.

Эта мысль поставила в тупик на некоторое время Степана, но он нашелся, что сказать:

– Душа все это время будет жить. – Наконец, догадался он.

– Души нет. Есть только материя. – Отрезал Кобяков.

В этот момент они уже подъезжали к Наталке: показались первые дома из-за поворота шоссе. Машина какое-то время прыгала на колдыбанах, пока добрались до асфальта и притормозили у дачи Космолётова. Дверь в дом была открыта настежь, везде горел свет и прикованную к батарее Квятко Комов обнаружил почти сразу же. Кобяков зашел следом за ним. Надо было как-то освободить следователя, и дядя Лёша оказался ловким взломщиком замков наручников – он от-

крыл их с помощью скрепки, скрученной им каким-то хитроумным способом. Юлия Борисовна кратко объяснила, что тут произошло и все пришли к общему мнению, что надо догнать Космолётова. Даже Кобяков, решил изменить свои планы и включиться в эту помощь следствию, посредством предоставления своего автомобиля и себя в качестве умелого водителя.

По пути Алексей Петрович объяснил, что мистерия без девушек проводников и девушки-келе не закончится, Ненармунь не сможет передать им частицу праматерии, чтобы обновить тела членов Союза спасения и тех, кто к ним присоединится. Правда он не мог сказать, что должно стать отправной точкой, которая продолжит процесс. Предполагали, что это должна быть смерть носителя духа птицы или охотника от вергизов. Или обоих. Квятко слушала его, наблюдая за мелькавшими в сумерках за окном автомобиля деревьями и уже знала, как поступить: в данном случае все решал закон. А преступник понесет наказание в любом случае.

Уже было темно, и луна стояла над горизонтом. Несмотря на это ночь опустилась очень темная: лунный свет почти не освещал окружающее пространство, но видны были от всего тени, как будто мир состоял только из них. Поверхность озера светилась серебром под лучами мёртвой луны. Алексей Петрович Кобяков остановил машину напротив озера, от него их отделяла только небольшая поляна и песчаный берег. Но они все некоторое время сидели неподвижно, завороже-

но рассматривая открывшееся им зрелище. Посреди озера на воде сидела огромная птица, величественная и одновременно грациозная, похожая на лебедя, но с более большим красным клювом. Ее длинная шея была изящно изогнута и своими круглыми черными глазами она смотрела на людей, которые уже вошли по пояс в воду и выстроились перед ней, воздев к небу руки. В первых рядах стояли девушки в белых рубашках с окровавленной грудью, за ними члены Союза спасения, которые участвовали в последнем собрании.

Вдруг Ин Ненармунь раскрыла крылья, потом снова сложила их и нырнула стремглав в глубину озера. Оцепенение спало с Юлии Квятко и, увидев, что птица исчезла под водой она вышла из машины, одновременно вынимая свой кольт из кобуры. Поверхность озера вдруг забурлила и разом устремилась куда-то вниз, образовав огромную вращающуюся воронку, затянувшую за собой и людей. Потом гладь озера успокоилась и стала почти зеркальной и тут Квятко почти прямо перед собой увидела Игоря. Он стоял на песчаном берегу, спиной к ней и в правой руке держал пистолет. Он чего-то ждал, внимательно вглядываясь в темноту. Чего он ждал, Квятко поняла тут же: с шумом вынырнула Ненармунь и всплыли тела людей. Ненармунь раскрыла крылья и почти разом и Игорь и Юлия подняли пистолеты, которые держали в руках. Раздалось два глухих выстрела: Игорь дернулся и вскрикнул, получив пулю под левую лопатку, он обернулся и упал на песок. А другая пуля впиалась в глаз Ненарму-

ни, прошла ее насквозь и где-то уже на другом берегу озера упала. Птица на мгновение замерла, из глаза ее протекла и спустилась по шее тоненькая струйка крови. Потом Ненармунь растворилась медленно в воздухе, оставив распростертое на воде тело Петра Коновалова с простреленной головой. Волны, исходящие из центра озера постепенно прибили все трупы людей к берегу.

* * *

Начальнику УВД по г. Новый Гиенов полковнику Николаю Петровичу Горелову

Рапорт

В период с 13 по 15 августа сего года мною расследовалось дело о серийном убийце, который орудовал в городе под именем «Ненармунь». Используя древнюю символику и веру в потусторонние силы, а также силы древнего Хаоса, он вошел в контакт с группой энтузиастов организованных в общество «Союз спасения» и осуществил ритуальное убийство четырех женщин. Далее пользуясь наивностью доверчивых граждан из этого общества ему удалось организовать мистерию в ходе которой произошло массовое убийство актива указанного общества. В ходе следственно-розыскных мероприятий удалось выяснить, что убийцей был сотрудник редак-

ции газеты «Наш город» Петр Иванович Коновалов, который во время задержания ликвидирован. Таким образом, дело о «гиеновском маньяке» можно считать закрытым.

Старший уполномоченный отдела по расследованию особо тяжких преступлений капитан Юлия Борисовна Квятко

* * *

Юлию Квятко перевели в область на должность начальника отдела. Повысили в звании до майора. Там она продолжает успешно бороться с преступностью. Лейтенант Комов теперь в Гиенове занимает ее место, его также повысили теперь он капитан.

Каждое лето Юлия приезжает в Гиенов. На несколько дней останавливается в местной гостинице. Посещает сквер, где сидит на скамейке и завтракает сырниками в кафе «Библиотека». Потом, в сумерках, она идет к озеру и там сидит на берегу. Когда наступает тёмное время суток, она видит всех тех, кто ушел тогда, вместе с Петром во тьму. И в ее сердце теперь бьется дух птицы Ин Ненармунь. Но она никому не принесет счастья.

Тамбов,
июнь 2023 – 7 января 2024 г.